

ЛЮДМИЛА РОМАНОВА

ПОТЕРЯННЫЕ В ЗАЗЕРКАЛЬЕ

четыре книги

Людмила Петровна Романова

Потерянные в Зазеркалье.

Четыре книги в одной

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=8197968
Потерянные в Зазеркалье. Сборник / Людмила Романова: 2014*

Аннотация

Если у вас на душе скребут кошки, а излить душу не кому, не отчаивайтесь. Все изменится к лучшему. И вы найдете выход из положения, каким бы грустным оно не было. Вы помните хорошую русскую пословицу-«Нет худа без добра» она работает!

Не с кем поговорить? Посмотрите в зеркало! Теперь вас двое! И можно вести беседу, жаловаться советоваться. Конечно, некоторые, глядя на вас, подумают, что вы сошли с ума, да и вы сами поймаете себя на этой мысли. Но если посмотреть на все это внимательно, на отражение в зеркале!? То можно увидеть, что там не только вы, а еще и целый мир, который прячется за закрытой дверью, отражающейся в нем. А если ее открыть!?

Наш герой был в такой ситуации, и даже заглянул за угол в отражении. Вот тут-то все и началось.

Прочитав книгу, вы узнаете про тайну бабушкиного зеркала, которое перешло по наследству нашему герою. Попутешествуете по Сенегалу и столкнетесь с магией Вуду.

В книге собраны все четыре книги входящие в серию.

Содержание

Книга первая	4
Пролог	4
Глава первая	5
Глава вторая	9
Глава третья	15
Глава четвертая	19
Глава пятая	25
Глава шестая	28
Глава седьмая	35
Глава восьмая	43
Глава девятая	52
Глава десятая	58
Глава одиннадцатая	65
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Людмила Романова

Потерянные в Зазеркалье

Фантастическая повесть

в четырех книгах

Книга первая

Выход их положения

Пролог

Барабаны отбивали и отбивали свой монотонный ритм, легкий дым от тлеющих трав заполнял подземелье, а шестеро человек кружились вокруг чана с кипящим зельем, произнося заклинания в такт боя барабанов.

Один из присутствующих, зачерпнув чашей варево, поднес его вождю. Вождь медленно выпил чашу дымящегося напитка и ощутил, как каждая клеточка его тела очень быстро начала пропитываться чувством бегущего по венам огня, который был силен, но не сжигал, а наполнял его существо новой энергией, измерения которой еще никто не придумал. Запах благовоний и ритмы барабанов, вкрадчивой волной проникли в его мозг, и слились там с бегущей энергией жгучего напитка.

Вождь прикрыл глаза и почувствовал, как ритмичные звуки барабанов, стали превращаться в растянутые по времени звуки и краски. Вождь попробовал приоткрыть глаза, но уже не увидел знакомых лиц и привычных очертаний магического зала. Все что окружало его, минуту назад, уже превратилось в спиралевидное пространство, которое, со все увеличивающейся скоростью, начинало втягивать его, также потерявшего ощущение формы своего тела, в этот стремительный бег по кругу.

Присутствовавшие замолчали, увидев, как тело вождя вошло в вибрацию, а потом упало на отшлифованный веками пол подземелья.

— Он вошел в северное зеркало! — прокричал один из присутствовавших.

Легкое облачко появившееся в одном из зеркал, стремительно превратилось в точку, растаяв в нем.

Тело вождя положили на каменное ложе, два из трех зеркал накрыли тканью, а возле того, где мелькнуло воздушное облако, поставили курения и зажженный факел.

Глава первая

Мужчина, лет сорока, с задумчивым видом и мыслями, занятыми совсем другой проблемой, чем необходимость следить за пробегающими автомобилями, благополучно перешел дорогу и направился к подъезду своего дома. Пребывая в таком же задумчивом состоянии, он очень ловко миновал небольшие выбоины тротуара, наполненные весенней водой, и зашел в подъезд.

– Привет Витек, – махнул ему рукой седой мужчина, сидящий за столиком в сквере, когда он проходил мимо.

Но тот, к его удивлению, не заметил этого и не ответил на приветствие, быстрым шагом пройдя мимо.

– Уже глотнул, – показал второй мужчина в его сторону, и, щелкнув по горлу, стукнул фишку домино об стол.

– Да он не пьет! – ответил первый. Это мой сосед. Хороший парень. Наверное, с женой повздорил!

– Эти женщины, кого хош доведут, – согласился второй, присматриваясь к фишкам.

Они еще раз глянули вслед Виктору и продолжили свою игру.

Но Виктор ничего не видел, и ничего не слышал. Набрав код входной двери, и поднявшись в лифте на свой этаж, он машинально открыл ключом дверь и, зайдя в квартиру, не раздеваясь и продолжая свой мыслительный процесс, сел на табуретку в холле.

Взгляд его сразу же устремился в зеркало, висевшее над комодом напротив, хотя заподозрить мужчину в том, что он хочет увидеть в нем свое лицо, было бы трудно, потому что глаза его были устремлены в одну точку, как бывает, когда смотришь вглубь себя.

Через некоторое время глаза его устали. Но он, опутив их на минуту, и помассировав немного виски и лоб, снова взгляделся в зеркало, то, приближая и прищуривая глаза, то, немного удаляясь от него, как будто предмет, который он хотел уловить в зеркале, был очень небольшой, вроде невидимой царापины.

Это была самая обычная квартира, в южном районе Москвы, и в ней еще угадывались запахи стройки, и новой мебели. Мебель и квартира пока что привыкали к своим хозяевам, и мало что могли рассказать и о них, и друг о друге. Единственным предметом, который мог бы похвастаться возрастом и виденным, было старинное зеркало, напротив которого и сидел его хозяин.

Это зеркало уже не раз переезжало с ним из квартиры в квартиру, и было вещью, которая осталась ему от старых времен, как память. Зеркалу было около двухсот лет, об этом говорила цифра на обратной стороне рамы, рядом с которой была надпись, сделанная незнакомым шрифтом, и удивительное клеймо, изображающее какие-то символы. Виктор ощущал его значимость, потому что помнил зеркало с детства, когда оно еще висело в деревенском доме бабушки, над комодом. И отбери у него его, он потерял бы половину себя, столько чувств и воспоминаний было у него связано с этой старинной вещью.

Метровое зеркало было заключено в почерневшую от времени раму, которая представляла собой довольно скромное и тяжеловатое окаймление с несколькими резными канавками вдоль основных линий и вензелями по бокам, вырезанными на старинный лад. Казалось, что зеркало даже пахнет по особенному, стариной. Возможно, такой запах принадлежал особым свойствам этого дерева, которое не было покрашено, но было черным само по себе. И даже, поверхность зеркала источала из себя, какую-то тайну. Может быть, ее навевал оттенок зеркальной поверхности, имеющий особый вид, в котором не было солнечной сверкающей глади современных зеркал. Старое зеркало имело тяжело серебряный тон, с темно

серой дымкой и металлическим отсветом, а на его поверхности кое-где были видны черные точки, которые только подчеркивали его возраст, но не мешали смотреться в него.

Возможно, такое ощущение от зеркала, усугубляло его вечное местонахождение в помещениях, в которых было мало солнечного света. И поэтому зеркало в большинстве своем, отражая только тусклый свет лампочки деревенского дома или сумрак дня в прихожей, незаметно и постепенно пропиталось таинственным полумраком. А может быть, таким особенным, представлялось оно только ему, Виктору?

* * *

В квартире никого не было. Жена, уехала в театр, и как всегда без него. Сын болтался с друзьями по своим делам. Дочь с мужем и внуком была у свекрови. Виктор был один. Но теперь он не тяготился этим своим одиночеством, и не обижался на жену, что она живет своей жизнью, где ему отведено только определенное место. Одиночество сейчас было ему на руку, потому что слишком о многом ему хотелось подумать.

Виктор уже полчаса смотрел в зеркало и не мог отвести от него взгляд, как под гипнозом. Наконец он оторвался от своих мыслей и попытку увидеть там что-то и глотнул коньяка.

– Ничего не получается, – с досадой подумал он. Как ни крутись перед ним, ничего не видно. Неужели все! И никто мне не подскажет и не поможет, как снова найти туда дорогу?! Эх! Если бы еще разок, хоть на половину того, что было! Хотя бы на минутку, как в гости. Посмотреть, обнять.

Но, увидев их, смогу ли я вернуться, или даже, захочу ли? – задал он себе вопрос. Нет, пожалуй, минутки не хватит, – подумал Виктор. Я хочу все снова еще раз! Даже если опять плутать по чужим дорогам и жить чужой судьбой, даже если снова повторить все радости и все страдания, – Виктор был готов на все.

– А было ли это? И возможно ли такое? – задал он сам себе вопрос.

Виктор улыбнулся, теперь он уже почти знал, что это возможно. Да что говорить, он почти был уверен, что был там! Не могло же это все ему присниться? С чего? Никогда до этого, такого не было, а если это был сон, то слишком он был длинный и подробный!

Но, все же, оставалось это «почти». Потому что, как можно сказать наверняка, о том, что не имеет физического подтверждения?!

– А стихи? А вся эта подробная нить событий? А эти женщины, поцелуи которых я чувствую и сейчас? – подумал Виктор. Фантазии, сон, иллюзии? Но сны забываются. А то, что было со мной, забыть не получается, как бы я ни хотел!

Он не мог отмахнуться от своих желаний, они назойливо возвращали, и возвращали его к той жизни. Они звали его так, как манит глубина пропасти, в которую хочется прыгнуть, если долго смотреть в нее. Вы замечали, как рождается непреодолимое желание, сделать этот шаг, когда смотришь в бездну, и мурашки по коже идут, от страшной расплаты за это, а нога двигается все ближе и ближе и взгляд уже летит туда, и тянет за собой желания и тело...

– Ерунда, – вздрогнул Виктор от такого исхода, – если я нашел возможность попасть туда, и выйти оттуда один раз, то, почему не найду способ сделать это снова? – подумал он. Нужно ждать. Искать и пробовать. А пока, можно попытаться написать об этом все с самого начала. И хотя бы в мыслях, снова пройти всю эту другую жизнь.

Он попытался увидеть в голове первую строчку своего повествования и удивился, почему это не пришло в голову сразу. Он быстро пробежался по предполагаемому тексту и уловил возвращение тех чувств и тех ощущений, которые присутствовали тогда. Это взволновало его, и по телу прошелся холодок, как будто его желания стали ближе, а чувства ярче.

– Да, да, почему бы, и правда, не написать? Со всеми подробностями, со всеми мыслями и со всеми этими, можно сказать, необычными экспериментами, которые привели его

к конечному результату. Ведь, не сразу он додумался, а вернее, даже и не верил в эти вещи, пока...

Виктор снова посмотрел в зеркало.

* * *

Он не заметил, как открылась дверь, и в квартиру вошла жена.

– Опять у зеркала! Совсем свихнулся! – быстро заговорила она раздеваясь. Люди в театры ходят, а ты, никуда не вытнешь! Ну что ты в него уставился?

– Да я только что вошел. Вот смотрю, что-то под глазами у меня, какие-то мешки... – соврал Виктор, и встал, чтобы поздороваться с женщиной, которая вошла в квартиру вместе с женой.

– Поухаживай за Любой, – сказала жена, проходя на кухню и ставя чайник, она у нас сегодня останется ночевать.

– Люба? – Виктор взглянул на вошедшую женщину и постарался скрыть свое волнение. А вы меня уже знаете? – спросил он ее. Я вам никого не напоминаю? Он смотрел на нее с надеждой, что получит положительный ответ.

– Не-ет, – сказала Люба, улыбнувшись, – а мы что уже виделись где-то?

– Мешки! Ну-ка, дыхни, ты что пил? – спросила Тамара, подойдя к нему ближе. Ну конечно, коньяк! И ведь не жалко деньги переводить!

– Да ладно тебе, Тamar. Я немножко, так в кофе, заодно стихотворение новое продумывал, вот и не разделся, все новую строчку хотел переделать, – продолжал выкручиваться Виктор, улыбаясь Любе.

– Не обращай на него внимания. У него такое бывает. Нырнет в свои стихи, а потом еще в жизни их ищет. Сдвиг, самый натуральный. Отход от реальности. У него там такие дамы, в стихах. То его в пучину затаскивают, то голову перевязывают, жизнь спасают. Я их даже по именам знаю. Вообще-то правда, у него и про тебя есть стихотворение.

«Закрой глаза, и шелест мой услышь...», – прочитала Тамара строчку из стихов.

– Вы пишете стихи! – обрадовалась Люба. Я тоже писала давно, а потом бросила. Почитаєте нам их? – спросила она. И про меня обязательно. Очень романтично, мне понравилось начало.

– Лучше бы он не стихи, а роман какой-нибудь сочинил, – сказала жена. Кому они нужны, сейчас стихи? Вон по редакциям разослал, а толка нет. Никто и отвечать не хочет. Садитесь за стол, чай готов, – пригласила она их к столу.

– Тамарочка, не ругай его! – попросила Люба. Сейчас очень трудно пробиться. А в редакциях порой и не читают рукописи. Получили и сразу в корзину! Нужно самому ходить, обивать пороги. И вообще, сейчас действительно, больше прозу жалуют. И чтобы без всяких таких философий. Он не виноват. Пусть пишет, в жизни ничего зря не бывает. Значит это его путь. Когда-нибудь оценят. Главное писать. Ведь за день этого не соберешь. Это же чувства, мысли, события. А для этого нужны годы!

Виктор прочтите нам что-нибудь, – попросила она, пододвигая к себе чашку чая.

– Сейчас, с удовольствием! – обрадовался Виктор, взяв в руки свою тетрадь. И вы знаете, я чувствую, что лет так, – Виктор просчитал сам про себя известные ему формулы, – моя книга выйдет в свет, – сказал он, прижимая тетрадь к груди и улыбаясь. И ты Тамарочка, еще будешь мной гордиться. И тогда все что хочешь! Он открыл свою тетрадь и начал читать выборочно, на его взгляд, самые проникновенные.

* * *

– Виктор, у вас прекрасные стихи, – сказала Люба, когда Виктор прочитал несколько. Берет за душу, иногда даже плакать хочется. У вас талант! Я бы не смогла так подметить жизненные ситуации. Столько историй из того, что мы не замечаем и проходим мимо! Вы знаете, начните с конкурсов, есть такие для самодеятельных поэтов. Только начните, а дальше все закрутится. Вас оценят там, я уверена. Я как раз сегодня в одной газете прочитала. Я дам вам телефон и координаты, если хотите.

– Конечно, давайте, я попробую, – согласился Виктор.

Тамарочка, поцеловал Виктор жену в щечку, я тогда пошел. Мысль хорошая пришла. Я знаешь, как раз и решил за прозу взяться, сегодня в голову стукнуло. Пойдет, точно! Фантастическая повесть наклеивается. Ты мне чайку в мою комнату принеси с бутербродиком. Ладно?

– Иди, пиши, «Пушкин», может и правда, что-нибудь получится! – кивнула ему жена. Сейчас принесу. Ей было приятно, что у нее такой талантливый муж, и ругалась она, чаще всего для порядка.

– А вы знаете, когда я писал стихи про вас, я такой вас и представлял, – сказал, глядя в глаза и держа руку Любы, Виктор.

– А я и правда мистику очень люблю, и немного занималась на курсах экстрасенсов, – ответила Люба, засмущавшись, длительного рукопожатия.

– Да, – утвердительно прошептал Виктор, и попрощавшись с Любой, сел за компьютер, довольный разговором, и своим красноречием.

Тамара и Люба еще долго болтали в другой комнате. Виктор же, сев за стол, глотнул чая, разбавив его коньяком, пока не видела жена, поставил чашечку рядом с собой, вызвал в компьютере команду, создать портфель и назвал его «Осколок зеркала». Первый лист Microsoft Word был открыт. И мысли стали ложиться на бумагу. С начала, с самого начала....

Глава вторая

– Странно, что я не догадался до этого раньше, ведь это так просто! – вывел Виктор первую строчку. Если отражается дверь, то отражается и то, что за ней. Просто в данный момент эта дверь закрыта. Секрет в том, что никто из окружающих пока еще не догадался, что в зеркале мы не видим всего отраженного мира, потому что его закрывают двери, стены, занавески, а поэтому и не придаем этому миру значения, которое он заслуживает.

Отодвинь занавеску, и ты увидишь в отражении улицу, а там бегают дети, растут деревья. И эта улица не кончается с этим узким углом обзора. Ведь это только наша проблема, что мы не можем видеть сквозь стену, или послать взгляд за угол. Улица от этого не делается короче, потому что можно приставить еще одно зеркало, изменив угол видимости, и увидеть дополнительный ее поворот. Можно увидеть самолет, пролетающий в облаках, и поезд бегущий по рельсам, в которых сидят люди и тоже веселятся и грустят, спорят и едят мороженое, как и в жизни. Странно? Изобрети каскад зеркал, позволяющий видеть больше и дальше, и ты это увидишь.

Виктор видел, вернее, он осознал в один момент, что в зеркало отражался целый мир, и этот мир жил, мало того он был бесконечен! Так же бесконечен, как мир, который был впереди зеркала.

– А то, что бесконечно, не может быть ничем, как мы его называем просто отражением, – решил он. Это такой же мир, может быть, колеблющийся с другой амплитудой жизненной волны, может быть, сдвинутый на долю какого-то своего измерения. Но он живой, потому что живое то, что растет, и умирает, что меняется со временем, что движется и имеет выражение своих чувств и желаний. Отраженный в зеркале мир все это имел.

Человек веками смотрел в зеркало и видел лишь себя, да и то короткое время. Но если бы он смотрел в него, не отрываясь, многие минуты, дни, годы, то он увидел массу изменений, происходящих плавно день за днем. Он бы увидел, глядя в отражение, смену времен года, когда деревья расцветают и тихо засыпают осенью, как за окном меняется время дня и за рассветом приходит закат. Он бы видел людей, которые, то появлялись на этой улице, а то и терялись куда-то. Он бы видел, как зеленая улица подмосковного поселка превращается в новый жилой район Москвы, и уже совсем другие люди въезжают в новые высокие дома. Он бы видел эту жизнь со всеми ее атрибутами и во всех проявлениях ее развития.

– Вы поняли жизнь! – лицо Виктора повеселело от этой мысли, которая, по его мнению, составляла основу его размышлений.

Если бы, он мог снять на специальную камеру отражение себя в течение лет сорока, то в отражении он бы день за днем видел превращение себя младенца в себя теперешнего. Его отражение кушало, писало, училось ходить и тоже жило изо дня в день, попивая мамино молочко, играя в мячик и постигая школьные предметы, постепенно превращалось в мужчину. В отражении зеркала отражалась бы его свадьба, его жена и дети. Его жизнь.

– Зеркало было бы экраном, на котором он мог следить за другой своей параллельной жизнью, в параллельном мире! – по телу Виктора побежали мурашки от такого вывода, он как будто шагнул в пропасть.

– Сколько же измерений должно быть в отраженном мире, и чем они отличаются от этого? – задумался Виктор. Ведь в том мире тоже были свои зеркала. Наверняка об этом можно было сказать, только попав туда пусть не в каждый, но хотя бы в несколько, из этих миров, в здравом уме и с памятью своей жизни, перед этим зеркалом? Это называлось бы опытом, проведенным на себе! – усмехнулся он. И неизвестно прошел бы он успешно, без потерь? Попасть в зазеркалье! Это слишком круто!

Конечно, можно было думать так, как привыкли все: «Отражение полностью повторяет движения человека, оно послушно ему, и не имеет возможности жить своей собственной жизнью». Но что это доказывает? Может быть, это человек повторял движения своего двойника, а тот считал его своим отражением. Ведь если отражается человек, то вместе с ним отражаются и запахи и воля, и мысли и все, все.... Ведь все имеет свою материю. И тот мир также удобен и реалистичен для тех отраженных людей. Они со своим миром одинаковы, и он приспособлен для них, как и этот для Виктора. Здесь Виктор с удовольствием ел свою котлету. А отраженный Виктор, с не меньшим удовольствием, ел отраженную!

Тысячи лет люди смотрели в зеркало и видели перед собой, все то, что и очень легко и просто объясняет наш мир. Смотрели и не видели. Увидел только он! Он открыл страшную тайну! – Виктор откинулся на спинку кресла, и взгляд его ушел еще дальше в себя. Почему, страшную? – подумал он.

– Да потому что воспользоваться ей, это все равно, что прыгнуть в бездну океана, надеясь, что возвращение будет таким же простым и безболезненным. Но даже Океан, предполагает вероятность благополучного исхода, потому что хоть он и велик, опасен и безграничен, но он свой, земной, немного изведанный и немного покоренный. А вот зазеркалье?! Войти в зазеркалье и вернуться назад, нет такого зафиксированного и проверенного метода, и не существует, написанного на эту тему, учебника.

Да, эти мысли часто крутились в его голове, но прежде, чем сформировать их в законченную теорию, он сделал еще два важных открытия, которые также не поддавались известным законам физики, а были гораздо ближе к загадкам психики и метафизики.

* * *

К первому своему открытию он пришел совершенно случайно. Тогда умер его коллега, и несколько человек вместе с ним поехали помочь семье и почтить его память. Виктор не считал этого человека своим близким другом. Беседы в курилке, какие-то мелкие стычки по работе и все! Поэтому Виктор очень удивился, когда, посмотрев на гроб, он вдруг начал давиться от рыданий, подступающих к его горлу. Он хоронил раньше и более близких людей. Но такого состояния у него не было никогда. Почти чужой человек выжимал из него массу страданий. И видно весь облик Виктора представлял очень впечатляющее зрелище, что какие-то женщины даже предложили ему успокоительное, потихоньку спросив у жены, – кто это?

Нет, он не был ни родственником, ни близким другом, и тем не менее! Мало того, это было странно еще и потому, что, посмотрев на сослуживца, лежащего в гробу, он вдруг понял, что это всего лишь тело, оболочка, а Сереги в ней нет! То есть, то, что представляло именно Сергея, не умерло вместе с этим телом, оно просто покинуло уже неудобное свое вместилище. И все! Он ощутил это очень ярко.

* * *

Потом Виктор стал прислушиваться к себе, и все старался уловить эту субстанцию, которая составляет часть живого человека, и покидает его потом, в своем теле. Он даже попробовал сделать такой эксперимент. Он представил руку, и ощутил ее. Он представил каждую частичку своего тела и ощутил ее. Он натренировался чувствовать каждый кусочек своего тела. Он ощущал даже свою родинку над губой. После этих экспериментов, наверное, его натренированное чутье, вдруг определило и то, что он не видел, но был уверен, что оно есть.

Он представил свое Я, и обнаружил его где-то посередине своей груди. Между кадыком и желудком. Он ощутил эту точку даже как-то тяжело, даже как-то навязчиво. Раньше он думал, что его Я живет в голове, но теперь он был точно уверен, что оно находится в груди. Оно как будто сразу защекотало его там внутри. Нежно и настойчиво! Именно в тот момент, когда он попал в точку его пребывания. И это было верным признаком.

Я не было выдумкой, потому что имело свою реакцию на его мысли и обрадовалось, что его, наконец – то заметили! Как и обрадовался этому бы каждый незаслуженно не замеченный человек, или как узник, которого наконец-то выпустили прогуляться.

Затем он пошел дальше! Он начал тренировать себя на том, что пробовал уловить реакцию Я на свои поступки. Оказывается, они иногда огорчали Я и тогда, в этой точке, где оно жило, возникал дискомфорт, он зудил, он пожирал и обличал.

– Почему? – думал Виктор. Ведь это сделал я, и мне от этого действия хорошо! Но, почему зудит внутри?

А как ликовало Я, когда он жертвовал собой, и делал добро. От его восторгов на глаза Виктора навертывались слезы умиления самим собой, в такие моменты его Я сливалось с ним, и они были одним целым.

Потом Я, даже научилось говорить, старалось дать, и давало дельные советы и даже отвечало на некоторые мучившие его вопросы. И потом, он часто вел с ним беседы. Пока что мысленно, но всегда чувствовал, что теперь в нем живет два голоса, собственно, его мысли, и внутренний голос его Я. Он чувствовался свою вторую половину явно, особенно тогда, когда они отличались по своей оценке и по подходу к тому или иному событию. В конце концов, он даже стал раздваиваться, потому что его Я часто брало верх, и его увещевания и осуждения были очевидными, правильными и бесспорными.

Что делать? Он сам открыл ему дорогу к своим мозгам, и теперь Я пользовалось этим очень умело и часто. Он сам закалил и вырастил свое Я, помог ему адаптироваться с этим миром, со способом выражения мыслей и возможностью вести беседу. И теперь их было двое. Он телесный, и его Я, которое он никогда не видел.

Он как-то пробовал представить, как выглядит его Я, но видел только какой то сгусток серо дымчатого цвета, воздушное как облачко, легкое как туман, но все же, осязаемое.

И так его Я существовало, уже по двум признакам. По своим собственным суждениям и по маленькому электрическому полю, которое не было опасно для его вместилища, но все же отделяло себя им от него, по пока неизвестным нам причинам, возможно чтобы не произошло полного слияния. И что очень вероятно, для своей собственной безопасности, и возможности сбежать, когда оно посчитает нужным.

* * *

Это было его первое открытие. Но оно не подкреплялось ничем вещественным, кроме его интуиции и его обостренного, внутреннего чувства. Он и сам, мог в некоторые моменты, сомневаться в присутствии внутри себя полноправного своего Я, и уж тем более, никому об этом не рассказывал. Тогда он жил на бывшей Блиновке, не далеко от больницы Кащенко и наслушался множество рассказов о ее пациентах, потому что, его соседка, тетя Варя, работала там нянечкой, и каждый день приносила всякие новые рассказы о несчастных больных.

– И ведь посмотришь, не скажешь, что они больные, говорила тетя Варя, сидя на лавочке возле дома. Как начнут рассуждать, профессора! Один все про то, как с ним картина разговаривала. Она, говорит, впитала в себя энергию художника и оригинала. А моя внутренняя субстанция очень тонкая, вот я и слышу, как она со мной говорит. Для этого нужно иметь чистую и тонкую душу. А вы, говорит, просто слишком, материальные, кроме барахла и денег у вас в голове ничего нет.

– И чего же она тебе говорит, милый? – спрашиваю его я.

– Многое. Она ведь, знает мою бабушку, и та через нее оттуда мне привет посылает. Говорит, чтобы я пока что лежал здесь и на свободу не просился. Переворот в Москве будет. А ты можешь в нем погибнуть. Отсидись, – говорит. Притворись, что ты больной. Я и притворяюсь. Я же здоровый. Что я не понимаю, что врач меня за психа держит, все вопросы свои, дурацкие задает, только я не такой глупый, как он думает. Это я такую роль играю, больного. А что, и пенсия моя сохраняется, и потом много денег накопится. А все в перевороте свои денежки потеряют. Так что, я пока что здесь полечусь еще. Таблетки сейчас ведь дорогие, а я их бесплатно глотаю. Вот так!

Говорят, у него дом сгорел, и бабушка в нем парализованная лежала. Вот он и свихнулся. Бабушка то раньше из богатых была, у нее картины настоящие остались. Так и они сгорели. Это такая сумма, говорят на миллион. Вот он и сдвинулся от горя. У него теперь ни дома, ни богатства. Бабка то и так бы померла. А ему видно ее жаль очень. Да у нас таких много. Кто на корабле в космос летает, кто с Есениным разговаривает, и все новые стихи пишет, которые он ему диктует. Когда не буйные ладно, даже интересно их послушать. А за теми только смотри. Сейчас все поняли, и смиренные, и не подумаешь, что через минуту в тебя стулом заедут. У них ведь стулья в палате и коридоре к полу привинченные, а то не дай Бог! А сестрам зарплата повышенная, за риск. Вот так! А мне никаких денег не надо. Я лучше с тихими.

По рассказам тети Вари, Виктор сделал вывод, что очень подходит под подозрение на тихое помешательство. Попасть в число ее подопечных, Виктору не хотелось, и поэтому, пока что, внутренний Я и беседы с ним оставались его собственным секретом. Тем более, что этот секрет не просился наружу, и не был замечен окружающим.

Виктор не вел дневник, но он писал стихи, в которых темы обозначали вехи и события его жизни. И в его потрепанную тетрадку, была записана новая тема. В новом цикле героем его стихов, стало его Я.

*«Когда бы, не было тебя со мной,
Сумел бы я добро и зло измерить?...»*

* * *

В беседах со своим Я, Виктор провел несколько лет, но потом он пришел и ко второму своему открытию! Это произошло в его день рождения. В этот день ему исполнилось сорок. Роковая дата, отмечать которую даже не следует, как говорят приметы, выложила в этот день все свои прелести.

Этот день был тоскливым, тоскливым, хотя бы потому, что Виктор в день своего рождения был один, сам по себе и ему было очень плохо. Он сидел за журнальным столиком у телефона, в чужой квартире, со стопкой водки и куском яблока. Он сидел и ждал, что его вспомнят, ему позвонят. И уж что совсем было невозможно, приедут. Он ждал, что Тамара, как всегда, первой начнет уговаривать его вернуться, и он, поломавшись немного, вернулся бы! Потому что дома было хорошо. Там была его жена, его дети, его постель, и вкусненький супчик.

Но из телефонной трубки, не вылетело ни одного звука. Он был никому не нужен. Ни Тамаре, ни детям. И, наверное, он слишком перестарался в этот раз. Хлопнул дверью! Обиделся! Ну и обижайся теперь здесь один со стаканом! – линчевал он сам себя.

– Ну, ничего, потом поймут, кто был прав, а кто нет, подумал он глотнув водки, и подойдя к окну посмотрел вниз. Земля была далеко. Может быть, прыгнуть и покончить со

всем этим? – подумал он, представив, как летит вниз, а сердце его успевает вздрогнуть. А мысли успевают представить, как сейчас он шмякнется, и будет больно, но тело уже ничего не может исправить, оно не сможет ухватиться за спасительную соломинку, зацепиться и прекратить свой полет, чтобы подумать еще раз.

Он представил, как лежит обезображенный на асфальте в луже крови, со сломанным носом, разбитый в лепешку. И прохожие... Да вряд ли, прохожие пожалеют его, они скажут, – «Выбросился! Вот придурок, выбросился! Наверное, алкаш или шизик, какой-нибудь!».

– Нет! – прервал свою садистскую картину Виктор. Уж нет! Так окончить свою жизнь он не хочет.

Но на душе было погано, от острого чувства своего одиночества, заброшенности и несправедливости жизни. Он не видел смысла жить дальше, потому что не видел просвета и решения своих проблем.

– Так и будет теперь он жить один, в чужой квартире. Потом со временем нужно будет искать новое жилье, и снова привыкать к чужой мебели, к чужим вещам. И называться жильцом, вечным жильцом! Это звучало даже унижительно. Если, в первые дни, Виктор был счастлив, что нашел, куда ему удрать от семейных проблем, то потом он вдруг понял, что этот выход хорош, как временное мероприятие. И каждый человек должен был иметь, свою собственную кухню, где хорошо сидеть зимой с горячей кружечкой чая, иметь свою комнату, в которой будут на полках стоять твои книги, где на стенках будут висеть твои любимые фотографии, и куда могут придти друзья. В конце концов, он должен иметь свою собственную кровать, а не чужую на которой спала какая-нибудь, ново представленная бабушка, или даже, может быть, и хороший, но совсем другой человек.

– Каждому просто необходимо иметь свой собственный дом, – думал он, – чтобы чувствовать себя хоть на половину счастливым. Сейчас он был несчастлив процентов на девяносто.

Виктор снова сел перед столиком, и снова налил себе водки.

– Гордый, оставил все и ушел. А что теперь? Нужно же было и о себе подумать, – сказал ему тихо внутренний голос. Может быть, нужно было разменять квартиру? А так, долго ли протянешь, жилец!

– А чего там было менять? Оставить детей в коммуналке? Нет, этого я сделать не мог, – пробормотал Виктор.

– Прав! – сказал внутренний голос. Так, может быть, тебе вернуться, и попробовать примириться? Если глубоко задуматься, не так уж все было плохо! Другие живут еще хуже! Что она требовала то! Всего лишь зарабатывать больше денег, крутиться. Она и права! Как-то ты застыл на месте. Нужно было и квартиру добиваться, и денег побольше зарабатывать, и связи с нужными людьми налаживать. Ничего плохого в этом нет. Посмотри на других, все так крутятся.

– Ага, льстить, унижаться, или идти на рынок торговать? И ради чего, ради денег, ну уж нет! – возразил Виктор. Я работал, а уж если не миллионы получал, так время такое. Не я один так попался! Почти все ящики и институты закрыты были. Нашел же я потом работу, чего ей еще? Не нравится? Пусть другого, богатого найдет! Ей только деньги нужны. А на меня ей наплевать. Раньше она такой не была, а сейчас! И днем и ночью пилила. Да и в чем собственно на сегодняшний день заключается наш брак. Одна квартира, общая кастрюля и все! Постель? Ее уже давно нет. Спим вместе, потому что тесно, некуда вторую кровать поставить. Вечера проводим каждый сам по себе. Семья?! Ее нет! Есть только видимость и ненужные узы. Обязанности, условности. Надоело! Уж лучше жить так, но иметь свободу и отсутствие необходимости врать. Выкручусь, – сказал сам себе Виктор, вспомнив обидные слова, сказанные Тамарой ему вслед. На коленках не приползу!

Это был парадокс, но вместе со всеми минусами теперешней жизни, он пока что не мог отказаться от новых плюсов. Он имел свободу. Он мог думать, он мог писать, не получая на это насмешки. И пока он не издаст книгу, и докажет, что он занимался этим не зря, он не вернется домой, как побитый пес.

Перед ним лежала тетрадь с его стихами, и он чувствовал, что они еще откроют ему путь наверх. Он еще будет иметь и деньги и славу. И тогда она пожалеет, что обсмеивала его, а дети поймут, кто был не прав. А до того, он не вернется!

– Смотри, как бы потом поздно не было, – прошептал внутренний голос. К старости остаться одному...

– Да ладно! Какая такая старость? Мне пока что сорок! Жалко вот выпить не с кем. Разве, что с тобой! – засмеялся он, подняв рюмку своему отражению в зеркале, висящем над столом.

Виктор подошел к нему поближе, и с усмешкой протянул свой стакан к отражению. Двойник поспешил сделать то же самое, и чокнулся с ним своим бокалом, при этом раздался маленький глухой звон. Они улыбнулись друг – другу и выпили стакан до конца, одним махом.

– Ну что друг, что мне делать теперь? – спросил Виктор свое отражение. Может в петлю?

– Подожди, – ответил друг, это ты всегда успеешь, и поднял в утверждение палец.

– И не пей больше, скатиться на дно можно очень легко. Сегодня пьешь, завтра, а потом и не брит, и работу потерял, и спишь на скамейке. Нет, нужно искать другой выход! – прошептал ему внутренний голос.

– А он есть?! – усмехнулся Виктор. Через неделю приезжает друг, и куда мне деваться? На вокзал? Или к Тамаре на коленях?

– Выход всегда есть, – сказали они дуэтом. Подумай, и найдешь. А потом, что переживать сейчас? Утро вечера мудренее. Ложись спать, а утром посмотришь на все по-другому.

– Всегда есть не один, а два выхода, – подумал Виктор, вспомнив анекдот, и ему стало немного веселее. Иметь бы свою квартиру и больше ничего не надо! – подумал он.

Он встал, отодвинув табуретку и собирая со столика посуду, перед тем, как уйти на кухню, хотел послать прощальный кивок в зеркало. И тут ему показалось, что он увидел маленькую вспышку и возникшее от него, какое то слабое свечение, Виктор оглянулся назад, и увидел, что это просто свет от фонаря за окном. Он хотел, было, пройти на кухню, но снова увидел это голубое свечение, и стал вглядываться в него, чтобы понять, что это такое.

Он простоял так почти полтора часа, потому что время новостей прошло, и было уже не девять, а десять тридцать.

– Странно, как это я простоял столько долго и не устал? – подумал он, унося зажатые в руке тарелки и пустую бутылку в мойку и мусорное ведро. Проходя в комнату, чтобы лежа посмотреть телевизор, он помахал на прощанье рукой своему отражению, и ему показалось, что оно сделало это на секунду вперед него. Мало того, в зеркале отражалось другое зеркало от буфета, и на секунду Виктор увидел несколько Викторов, которые отражались по очереди в каждом из зеркал, получавшем отражение от предыдущего, и все они посылали ему приветственный жест

Это что, подарок ко дню рождения, – усмехнулся Виктор. Только поздно, я уже хочу спать. Жду вас в следующий раз, – сказал он своим отражениям. Во, сколько вас, то есть нас! Это сколько же в следующий раз водки покупать? – с усмешкой подумал Виктор, и немного удивился. Отражения удивились тоже, они усмехнулись и Виктор усмехнулся, и сделав вид, что они все, все поняли, разошлись спать, каждый в своем, симметричном другому направлении.

Глава третья

На следующее утро, настроение Виктора, было на удивление хорошим и бодрым. Друг позвонил, что придет только через три месяца, а значит, у него было еще время! За три месяца, могло произойти все что угодно. И унывать не стоило. А уж тем более бросаться с балкона!

– Подумаешь, квартиру потеряю, – думал он, я же не бомж, домой вернусь, имею право! Или, другую найду. А потом видно будет! Будет день, будет пища. Утро вечера мудренее! – вспоминал он пословицы, так точно, комментировавшие все случаи жизни. Господи, да к сестре на дачу уеду! Подумаешь, буду на работу на электричке ездить, вот и делов – то! – обрадовано вспомнил он. Печка там есть, дом хороший, деревенский. Не пропаду! И мать рядом, буду помогать, на свежем воздухе вкалывать каждый день, красота!

В тот день, все началось прекрасно и неожиданно. По дороге на работу, уже на остановке автобуса он встретил своего соседа.

– Ну-ка, иди, иди сюда, – махнул он рукой Виктору. Ты говорят, со своей развелся? Ну и ловкач! – весело и бодро толкнул он в плечо Виктора. Откуда ты про квартиры то услышал? Мог бы по-соседски и мне сказать! Может быть, я тоже, со своей бы развелся, на всякий случай!

– Вам бы все смеяться, – обозлился Виктор, про себя, удивляясь, как быстро доходят слухи, и не понимая, о чем это говорит сосед. А причем здесь квартира? – спросил он.

– Да ладно, дурачком притворяться! – возмутился сосед. Теперь вам две квартирки дадут. Вы же теперь две семьи, а значит, и тебе однокомнатную дадут, и ей с детьми трехкомнатную. Они же у вас разнополые. Так бы вам одну дали, а теперь две, не меньше! А это на две кухни, на две ванны и т. д. больше! Выгадал, чертяга! А мы теперь только на двухкомнатную рассчитывать можем. Прогадали!

– Да!? – услышав все это, Виктор сделал глупое лицо, – а что, наш дом все-таки сносят? – спросил он.

– Ну конечно, в этом квартале расселять будут. Говорят в Марьино или Орехово – Борисово. Ты куда хочешь?

– Я бы лучше в Орехово, там метро и пруды, – неуверенно ответил Виктор.

– А в Марьино площадь больше дают! Отдаленный район, кто согласится, то на комнату больше, точно! Я в Марьино. Дождемся, и там метро будет. А метры никуда не денутся! Они в цене всегда растут!

Виктор распрощался с соседом, с опухшей от мыслей головой.

– Своя квартира! Неужели?! Неужели в жизни так бывает? Вчера еще, он маялся от перспективы быть вечным бездомным, а теперь, все в порядке. Один, только один, и непременно в Орехово! Сегодня же заплачу за свидетельство о разводе, чтобы никаких вопросов не было. Все что не делает Бог, все к лучшему, – подумал весело он. Не ушел бы от Тамары, так бы и жили вместе, а теперь свобода и я сам себе хозяин!

– А сделал бы глупость вчера, до этого счастливого дня не дожил бы! – съязвил внутренний голос.

* * *

Виктор долго не мог придти в себя от такого неожиданного, свалившегося на него счастья. Надежда осветила душу приятным розовым светом, и он уже с удовольствием шагал после работы в магазин, замечая по дороге и красоту желтого кружева осенних листьев, и

синеву сентябрьского неба. И даже трамваи бежали по улице как-то весело, как в детстве, когда ты ехал с мамой в парк культуры и мечтал о шарике и эскимо.

Он купил себе бутылку крымского портвейна Массандра, потому что чувствовал, что негатив нескольких предыдущих месяцев, нужно смыть с себя навсегда.

– Это событие нужно отметить, – подумал он, – жалко, что не с кем!

– Смотри, не спейся, – прошептал ему его второе Я. И вчера, и сегодня. Это получается уже каждый день!

– Да нет, всего-то второй день подряд, – оправдался Виктор. Я сегодня хоть немножко, настроение подниму. А потом все! Нужно стараться, чтобы не сорвалось, квартира для меня сейчас – это все!

– Вот-вот, – сказал ему внутренний голос. Не говори гоп, пока не перепрыгнешь.

– Перепрыгну! – совершенно уверенно сказал Виктор.

* * *

Приготовив себе, ужин из котлет и макарон, открыв баночку икры из кабачков, Виктор сел за стол. Он налил себе вина, и хотел было, уже выпить его, под тост– «За квартиру!», но непроизвольно глянул на себя в зеркало. Согласитесь, если зеркало висит напротив вас, трудно не посмотреть в него.

Виктор увидел в зеркале отражение. Оно тоже держало бокал, и улыбнулось ему. А потом, как-будто, вдруг, о чем-то вспомнив, переменяло выражение лица, на внезапно, нашедшее мысль.

– Ты был прав, – сказал Виктор, утро вечера действительно оказалось мудренее. Но отражение, как марионетка повторяло его жесты, его слова, и было им самим.

– Ну и ладно, все равно так веселей. Нас двое. Я и отражение, сказал Виктор, и уже по привычке хотел осторожно чокнуться с ним.

– Нас трое! – возразил внутренний голос.

– Прости, я не хотел тебя обидеть, – весело сказал Виктор, пей с нами, будь третьим! Только что ты можешь? Только понюхать?

Он плотнул вина и вместе с отражением запустил вилку в котлету, как бы, насмехаясь над призрачностью внутреннего голоса.

– Я связан с твоими ощущениями, через нейронную связь, и поэтому ощущаю вкус, – сказал обиженно внутренний голос. Вино и правда, неплохое, не то, что ты пил вчера!

– Да, хорошее вино, это же Массандра! Конечно, приятнее, чем эта горькая, – подумал Виктор и съел котлету, закусив макаронами. Ему было очень комфортно и как-то приятно, потому что на самом деле он был не один, и эта компания ему очень даже нравилась.

И бутылка, и котлеты закончились также в три раза быстрее. Или потому что аппетит у Виктора от счастья утроился, или оттого, что ужин достался им троим? Виктору, отражению и его внутреннему голосу.

– Надо помыть посуду, – подумал он, закончив трапезу, вставая со стула, и снова глянув в зеркало. Он хотел поправить волосы, и вдруг заметил, что отражение подняло руку немного позже. Не намного, может быть на долю секунды, но оно действовало медленнее, чем скорость мыслей Виктора, а его собственная рука немного спешила.

– Опять, – подумал Виктор, даже радостно, а сначала не получилось! Почему?

– Так сначала ты был трезвый, а теперь алкоголь, привел твоё мышление в заторможенное состояние, вот ты и видишь разницу в амплитуде колебаний тебя и твоего отражения, – профессорским тоном сказал внутренний голос.

– Да вроде и немного выпил! – подумал Виктор и тут обратил внимание на пустую бутылку и на стрелки будильника. Ого, уже час сижу, – удивился он, а показалось, что минут десять.

– Вот, вот. Под действием алкоголя время, для принявшего его, бежит по другому, получается с ускорением, если судить по отражению, провещал внутренний голос. Если ты вспомнишь, то и первый раз ты заметил странности в зеркале, именно после нескольких рюмок водки.

– А, вот это да! – подумал Виктор. Время бежит быстрее, для меня, а на самом деле для всего остального медленнее, и для тебя и для отражения...

– Для меня тоже немного быстрее, ведь я благодаря тебе испробовал все прелести твоих привычек, – съязвил внутренний голос, поэтому я тоже заметил эту разницу.

Виктор, оторопев, снова сел на стул, уставив свой взгляд на свое отражение. Потом он перевел глаза, на все, что еще отражалось в нем, комната, стол, часы, его недописанное заявление. Буквы отражались в обратном порядке, часы шли в другую сторону. Он поднял ручку и лист бумаги и подумал, что отражение такое же, но только прямо противоположное, и берет ручку левой рукой, а не правой, да и родинка у него на другой щеке, чем у него. Это не мое лицо на сто процентов, – подумал Виктор. Я человек с родинкой на левой щеке, а я себя представлял всегда таким, каким вижу в зеркале! – это открытие удивило его. Если бы он встал спиной к отражению, то стороны у них были бы разные! – сделал открытие Виктор. А я всегда считал по-другому, я думал, что мы полностью одинаковые!

Он пощупал языком зубы и нащупал коронку, она была с левой стороны, но он всегда видел себя в зеркало, где коронка была справа!

– Так вот чем мы отличаемся. Я такой, а ты обратный, подумал Виктор. Но я к себе привык как к тебе, потому что я себя вижу через тебя, каждый день, да еще и не один раз.

– Господи, наконец-то дошло очевидное. Смотрел в книгу и видел фигу, – вспомнил он слова бабушки, которые ему прошептал сейчас его внутренний голос.

Естественно, в этом и весь секрет! Хватит заниматься посудой, никто тебя не подгоняет. Расслабься и подумай. В этом что-то есть.

– Нет, уберу, решил упрямо Виктор. Я не люблю грязной посуды. И, вдобавок, ему хотелось играть главенствующую роль в этой троице. Он же человек, а внутренний голос всего лишь его сомнения, а тот в зеркале всего лишь отражение. Первый и неделимый я сам, и никто не может заставить меня петь под чужую дудку и отказываться от установленных правил, – подумал он.

– Ну, как хочешь, надрывайся. Может ты и прав. Сделал дело – гуляй смело, – согласился внутренний голос. Мыть то тебе, а мне то что, я хотел как лучше, – сказал он и лег, подложив руки под голову и положив одну коленку на другую.

Виктор стряхнул со стола последние крошки, сбросил их в мусорное ведро, и, наконец-то, тоже лег на диван, подложив также под голову руки, и включив телевизор.

На экране шла передача о новостях в химической промышленности. И мысли Виктора постепенно снова углубились в свои проблемы, автоматически поглядывая, не началось ли кино.

– Ха, вроде все просто, но может, в этом и весь секрет. Противоположное, антимир, так сказать. Мое отражение это я с другим знаком. Минус на плюс, верх на низ, туда-сюда. Если все это сложить, то будет ноль. Это как объемный веер, который начинает открываться от нулевой координаты. Нулевая, в которой нет ничего, и вот пошел помаленьку, понемножку выдвигаться один краешек веера. Но тогда теряется смысл нуля. Если есть плюс, то ноль из него не получится. Чтобы получить ноль, нужно иметь все то же самое только с другим знаком. И веер совершенно, одновременно открывается в минусовую сторону, и вместе они уравнивают друг друга.

Эти мысли давно крутились у него в голове, тогда когда он задумывался о создании мира. Кто, когда, и самое главное, из чего создал мир? Он постарался представить *безвременье и безматериальность*.

– Не было ничего!!! Это точно! В противном случае, и то что-то, пусть даже мизерное, все равно должно было откуда-то взяться, и кто-то должен приложить к нему силы, чтобы оно появилось здесь, и в чем-то оно должно быть и существовать, и в этом случае прибавляется еще что-то, в чем разместилось то первое, и нет ни конца ни начала, ни этому первому ни этому последнему, потому что за концом должно быть что-то пусть другое, но что-то. А перед этим, должно быть другое тоже. Потому что, кто знает, где конец, а где начало, кто первичный, а кто вторичный?

Но если есть ничто, ноль, то все решается просто. Все идет из нуля, потому что он вместилище самого вмещаемого! И только благодаря тому, что, одновременно с началом изменения, происходит их удаление от нуля, этот мир и может существовать!

Нет, это было не посылно человеческому уму, понять бесконечность. Звезды уходят далеко, далеко, и нет им конца, никогда и нигде. А раз им нет конца, то в этой бесконечности нет конца и экспериментам природы. Значит, наравне с бесконечным вариантом различных миров существует бесконечное множество похожих миров, и даже бесконечное множество точно таких же, как этот! Одинаковых, до атома, до электрона в нем. А больше никак нельзя! Это же бесконечность и в ней всегда найдется возможность, и множиться, и повторяться. Потому что бесконечность не ограничена ничем и ни в чем. Ни во времени, ни в способах, ни в условиях.

И где же эти миры? Одинаковые, отличающиеся только координатой, точкой существования в этой бесконечности? Они здесь, они параллельны. И даже нет. Один параллельный мир это условно плоскость, а все эти миллиарды одинаковых миров вместе, здесь, захватив собой долю градуса общего шара мира, с отклонением в анти, противоположную сторону. Главное в том, что вместе они должны давать ноль, тогда все понятно. Есть все, и нет ничего. Веер сложился – ноль! Веер разложился – плюсы, минусы и еще какие-то фигуры. И так, получается, ноль это наоборот, нечто вбирающее в себя все! Черная дыра! А движение от него и создает течение времени. И получается, оно течет против нашего движения!? Мы думаем ноль пустота! Но без него нет ничего.

– Так можно сойти с ума! – подумал Виктор и заснул.

Глава четвертая

Вскоре он получил квартиру в прекрасном новом доме в Орехово, на Шипиловской улице, а его дети и жена переехали в Марьино, на улицу Гурьянова. Виктор чувствовал, что Тамара не довольна тем, что он получил квартиру отдельно от них. Конечно, если бы они не развелись, то получили бы огромную трех комнатную или даже четырех комнатную, на всех. Ничего, что в Марьино, зато столько места и холл, и ванна огромная, а кухня! Она ездила смотреть эту квартиру у соседей, которые въехали туда всей семьей. И ее новая, обычная трехкомнатная, ее уже не радовала. Она завидовала всей душой счастливой соседке.

– Столько ждать и перед самым концом все испортить! – думала она и винила и себя, за то, что так не во время поссорилась с ним, и его за то, что он довел ее до этого.

Масла в огонь подлила соседка, обрисовавшая перспективу таким образом, что, получив квартиру, ее муж начнет водить в нее баб, а то и женится на какой-нибудь лимитчице!

– Уж они то хваткие и такого варианта не пропустят! И не достанется его квартира детям даже после его смерти! А что, он еще молодой мужик. Он себе и двадцатилетнюю найти может, и ребеночка родить тоже, – верещала она, а душа Тамары разрывалась от этих слов.

Она даже попробовала склонить Виктора к другому варианту. Но он был непреклонен, и нарочно выбрал себе квартиру в другом районе, в Орехово, чтобы жить от нее подальше. Этим все и кончилось.

Тамара и не знала, что ей будет так жалко прошлую свою жизнь. Их ссоры, когда Виктор собирал свой чемодан и уходил жить к другу, ее не очень расстраивали. Потому что они пока что не были концом, потому что он всегда возвращался. Это была всего лишь ссора с мужем, который все же имел с ней общий дом, и поэтому был пока что все равно свой. Теперь она поняла, что у них не осталось точек соприкосновения. Взрослые дети уже не могли их связывать как в их детстве, хотя бы заботами о них. Дети выросли. У них не было общего дома, который тоже требовал их совместных забот. Теперь у каждого был свой. И ниточка, которая еще связывала их по привычке, становилась все тоньше, тоньше. И каждый прожитый врозь месяц, истощал ее все больше и больше.

* * *

Для Виктора эта ситуация была спасением от того тоскливого состояния, которое он испытал в свой день рождения, и он напротив, не замечал потерь, он видел только приобретение.

– Боже, неужели мне так повезло? – думал он, затаскивая в квартиру незамысловатые свои пожитки. Все мое, и ванна, и лоджия, и этот милый вид из окна. Очень удобно, видно остановку автобуса, симпатичную аллею и кусочек пруда. Вот так я теперь буду ездить на работу, заходить по вечерам вон в тот магазинчик, а когда буду старый, буду прогуливаться по этой аллее. Но это будет еще не скоро. Еще лет десять можно пожить весело!

С него как бы свалилась лень, уныние и прибавилось бодрости, желания делать что-то, куда-то бежать, и что-то устраивать, как будто он получил допинг перед стартом.

– Все дело в хороших эмоциях, – решил он. Когда у человека на душе радостно, то и жить хочется! А почему мне было так не радостно дома? – подумал он, и быстро отогнал эту мысль, потому что почувствовал ее тлетворное влияние на его бодрость.

– Начну-ка, я все сначала! – подумал он. И бегать по утрам буду, и в бассейн абонемент куплю. Класс!

Он включил телевизор и растянулся блаженно на диване, ожидая новости по РТР. Квартира была почти пустая, и от этого казалась еще просторнее. Ничего, обживусь, – думал он. Возьму кредит на работе и куплю все, что мне нужно.

* * *

Виктор решил, что начнет новую жизнь в новом доме с полной экипировкой. Он тратил самозабвенно, и его однокомнатная квартира очень быстро заполнилась мебелью, пусть не дорогой, но симпатичной, небольшим гарнитуром для кухни и конечно музыкальным центром. Он решил, что не нужно их беречь, эти деньги, потому что хотел полностью ощутить уют, и комфорт. Он был хозяин своей квартиры, у него была своя ванна, свое уютное место в постельке и все атрибуты для эстетического время препровождения.

А вместе с этим появились и женщины. Откуда они брались на его голову, он не понимал. Он легко знакомился в метро, в булочной и в автобусе. Он находил что сказать, чтобы вызвать у слабого пола интерес. И почти на следующий день, он уже вел ее в свою квартиру. Но дамы приходили и уходили также легко, как и появлялись в его жизни. Вскоре он вдруг понял, что хоть и много он приобрел знакомств, но встретить женщину, которую ему захотелось бы пригласить второй раз, а уж тем более оставить ее жить здесь насовсем, он не встретил. И временами он тоже тосковал по своей старой семейной жизни и по Тамаре. Но переделывать ничего пока не хотел.

Как было приятно придти в свою, чисто убранную, квартиру вечером после работы, принять душ, надеть махровый халат и с чашечкой кофе, слушать песни Круга, или смотреть фильм. А как приятно было садиться за письменный стол, где все выстроилось в порядке и ждало его вдохновения. Там лежала его тетрадка со стихами, и он частенько брал ее в руки, перечитывая старые стихи, и, проглядывая, сколько страниц осталось у него для заполнения. Ему очень хотелось забить ее полностью. Потому что эта тетрадка доставляла ему очень большое удовольствие, как сберкнижка, на которую постоянно поступают хорошенькие суммы. В тетрадку ложились новые и новые стихи, и она распушалась по мере использования новых ее листочков. Он рисовал маленькие рисунки, подходящие под смысл и мечтал о книге в красивой обложке и иллюстрациями. Это было его богатство, его успокоение, его самая милая сердцу вещь. И теперь он предавался ей, не урывками, а с чувством, толком, расстановкой. Не боясь, что его дернут на какой-нибудь семейный подвиг, вроде выбить ковры или сходить за картошкой. Он мог тратить на нее весь свой свободный и спокойный вечер. Это было счастье.

Зеркало бабушки он повесил, по традиции, в коридоре, с этой последней точкой, аура, которую он создал в своей квартире, замкнулась. И это привело Виктора в состояние блаженства.

– Ну что ж, теперь у меня есть все, – сказал Виктор сам себе, встав утром с постели в один из выходных дней и машинально подойдя к зеркалу.

– Не все, тебе бы еще и дамочку хорошую, не навсегда, а хотя бы, чтобы ходить в гости, поболтать, – проговорил с придыханием внутренний голос.

– Я бы и от всего остального не отказался, – сказал Виктор, улыбнувшись и представив, как они лежат с милой блондиночкой в его новой кровати. Глаза его приобрели мечтательный оттенок, но в это время в дверь позвонили.

– Здравствуйте, мы ваши соседи из пятидесят третьей. У вас случайно нет дрели, – спросил его симпатичный худощавый мужчина.

– Есть, только нужно в шкафах покопаться. Я вам занесу минут через двадцать, – ответил Виктор.

– А можно посмотреть вашу квартиру? У нас двухкомнатная, потому что у нас еще дочка прописана, только она здесь сейчас не живет. А вы один? – спросила его женщина.

– Проходите, пожалуйста, – ответил Виктор, даже довольный, что кто-то увидит все то, что он с такой любовью создавал.

– Какая красота, очень миленькая квартирка, а какие цветы! Вы любитель цветов? – спросила Виктора жена соседа. Вы дадите мне отросточков, я тоже обожаю цветы, а в новой квартире еще не развела.

Ой, а какое старинное зеркало!? Какая прелесть. Сколько ему лет? – соседка остановилась у зеркала и посмотрелась в него, поправив волосы. Я такое видела в детстве, у одной женщины. Мне всегда казалось, что оно висело во дворце, где был бал Золушки!

– Как интересно вы сказали, засмеялся Виктор. Это мне от бабушки осталось. Она на нем на женихов гадала, зеркало и правда, волшебное. Я его помню, как родился. Как к бабушке придем, оно у нее над комодом стояло, а там всякие штучки, и в игрушки поиграешь, и в зеркало посмотришься. Мне кажется, в нем вся моя жизнь сохранилась.

– А у нас все обычное, все из магазина, и зеркало в гардеробе. А в прихожую мы еще не купили. А неплохо бы такое же. Правда, какой-то другой вид! Коль, может, походим по антикварным, мне тоже такое хочется, – посмотрела на мужа Валя.

– Тебе все хочется, – сказал весело Николай. Посмотрим, все в наших руках.

– Ну, мы вас ждем, – сказала Валя, так звали жену соседа. Заходите и нашу квартиру заодно посмотрите.

– Заходи, заодно отметим, сделал жест рукой и мигнул сосед Виктору потихоньку, когда Валя уже вышла за дверь.

* * *

Соседи жили на одной площадке с Виктором. Он видел их мельком несколько раз, и как назло, всегда, когда вел к себе новую даму. И поэтому, старался не обращать, на них внимания, и не удосуживался пока что, познакомиться поближе. Их появление сегодня, когда он, уже можно сказать, остепенился, обрадовало его.

– Какие приятные люди, – подумал он, вдохновленный и похвалой его дизайна и последним жестом соседа. Отметить это дело, и посидеть в гостях, ему очень даже захотелось. Последнее время суп из пакета, да котлеты из коробочки, вот и весь его ужин. Готовить на одного было делом неблагодарным, и не таким уж простым. А он соскучился по домашним щам, какие готовила ему Тамара, и по жареной картошечке с соленым огурчиком, собственного засола. Сейчас угостят чем-нибудь, – подумал он, радостно потирая руки и вытаскивая дрель.

– Во как тебе везет! – хвалил его внутренний голос.

И квартира, и соседи, и работа нормальная. И Колян, я думаю, вы с ним споетесь. Мужик, по-моему, ничего?

– Да, – подумал Виктор все распрекрасно. А хорошая женщина? Может, еще и познакомлюсь, с кем-нибудь. Какие наши годы!?

– Познакомишься, познакомишься, какие твои годы? – сказал ему внутренний голос. Только разборчивее будь, и не таскай сюда всех подряд. Ищи свою!

Виктор остановился возле зеркала.

– Ну что, я пошел! – сказал он отражению, глядя на него критически. Все нормально, побрит, чисто одет, приличный человек. Работник телевидения, – представил он ответ на вопрос: «А где вы работаете?» Звучало внушительно. Не важно, что водитель у директора, главное название фирмы. А это название звучало и вызывало уважение к нему, как только люди узнавали его место работы. Виктор даже научился сообщать об этом как бы невзначай,

конечно рассчитывая на реакцию и более успешное решение вопроса. Он устроился туда, познакомившись с собратом по несчастью, а может быть, наоборот, в городском суде, куда он принес заявление на развод. Не было бы счастья, – подумал он тогда. И этот шанс он использовал По полной. И кредит, и зарплата нормальная и общество!

– Смотри, не заглядывайся на соседочку. Это конечно удобно, но нельзя! – помахало ему пальцем отражение.

– Нельзя! – повторил Виктор и поднял палец, как утверждающий и предупреждающий жест. Да! – повторил он и открыл дверь.

* * *

В квартире соседей было все по-другому. Здесь не было места аскетизму. Уютное пространство с ковриками, картинами, фотографиями детей, хрусталем и всевозможными сервизами на стеклянных полках, и прихожей с навешанными куртками и плащами, туфлями и ботинками. Серый кот настороженно посмотрел на вошедшего мужчину и предусмотрительно ушел, и лег на кресло возле телевизора.

– Хочу вот здесь ковер повесить, – сказала Николай. На пол жалко, а так и красивее и стена теплее будет. А потом посмотрим.

– Да конечно, – сказал Виктор. А я все ковры жене оставил. А новые, еще не купил.

– А мы кое-что на дачу отвезли, а кое-что, хоть и не модно, но жалко. Помнишь, как ковры то раньше доставались? Дочка все под ноги бросила, не современно ей! А мы уж как привыкли.

– Кому, что нравится, – сказал Виктор. С ковром даже уютнее.

– Настоящий шерстяной. Таких, сейчас не найдешь! – сказал Коля.

– Да ладно тебе выдумывать, – возразила Валя. Сейчас можно найти все, не то, что раньше. Для меня самое главное тепло. Стена будет закрыта. Дом еще не прогрелся, может быть, потом лучше топить будут, а пока что холодновато.

* * *

Вскоре ковер висел на месте, и Виктор стоял в большой комнате, разглядывая всякие симпатичные мелочи.

– Я не ошибся, радостно подумал он, услышав душераздирающий запах жареной картошки.

– Мужчины, идите, а то остынет, – крикнула им Валя из кухни.

Виктор, стосковавшийся по домашней пище, постарался скрыть свое вожеление под маской вежливого безразличия, и не показывая вида, заликовал, но в душе.

– Валечка, ты нам что-нибудь погорячее дай. Такое дело, с соседом познакомились. У нас там есть, – кивнул Николай в сторону шкафа.

– Виктор, мне не жалко, но ему лучше бы не пить, сердце пошаливать стало, – сказала, оправдываясь, Валя.

– Да ладно тебе преувеличивать! Один раз кольнуло и все. Мы понемножку, за знакомство, – возразил просящим тоном Николай.

– Ладно, – смиловилась Валя, но только по одной!

– Виктор уже не скрывал удовольствия и, глотнув из рюмки водки, с аппетитом накалывал на вилку шмоточек картошки с румяной корочкой, и подгребал на нее следующую с кусочком шкварок. Его рука уже бороздила банку с солеными огурцами и удила шляпку скользкого подосиновика. Душа его пела.

– Съешьте вот это, подкладывала ему Валя икру из кабачков, и рыбку под маринадом. А вот, пирожки. Попробуйте, они, правда, вчерашние, но, все-равно вкусные. Правда? – спрашивала она, когда Виктор запихивал в рот очередной пирожок.

– Мне с женой повезло! Марья – Искусница! – хвалился Николай, наворачивая под рюмочку картошку. Только очень строга!

– Смотрю и завидую! – сказал Виктор, и он не врал.

– Ну, все, все, – отобрала Валя бутылку от мужа. Хватит! Одна рюмка в день! Она налила еще Виктору, и закрыв бутылку, поставила ее в холодильник под щенячий взгляд Коли.

– Слушаюсь, куда денешься, – вздохнул Николай, для приличия немного придержав бутылку.

Виктор смотрел на эту пару, и тоска понемногу разливалась в его душе. Он один! Может быть, конечно, он виноват сам, и может быть зря он расстался со своей? Готовила она прекрасно. Сейчас бы тоже свои блины ел, а то все из коробочек! Но он вспомнил все остальное и решил, что поступил правильно. Зато спокойно, и никому ничем не обязан, подумал он. За все нужно платить!

– Заходите, – сказала Валя, когда они распрощались с Николаем.

– Еще увидимся, – мигнул ему Николай.

– Ага, – ответил Виктор, неся в свою квартиру свой шарообразный живот. Жизнь снова была прекрасна. Все, что ему не хватало, это участие, собственная значимость и общение, теперь у него были. Он был уверен, что теперь у него есть люди, которые скрасят его одиночество, хотя бы иногда.

– А что, можно к себе в гости звать, на дни рождения ходить, телевизор вместе смотреть. И не обязательно каждый день. Главное, знать, что за стеной друзья, которые могут прийти к тебе в любую минуту, – думал он, засыпая.

– Нормальный мужик, – сказал Николай, улыбаясь, когда проводил Виктора. Есть с кем спорт посмотреть. А то тебе все кино нужно. Вот теперь тебе мешаться не буду. Как что, к соседу. Отличненько! Хорошо, что наш ровесник, а то бабульку, какую-нибудь, подселить могли, или алкалоида. А Витек, то, что надо! Нужно его на следующей недельке в лес за грибами захватить. Как ты думаешь? – спросил он жену.

– Да уж конечно, захвати. Вдвоем веселее, и мне меньше переживать, – сказала Валя, моя тарелки.

* * *

– Виктор, ты моему, там в лесу, пить не давай. Ему нельзя. Проконтролируй, пожалуйста, – попросила Валя Виктора перед лесной вылазкой. На даче тебе у нас понравится, там опят, косой коси. А потом и обед себе разогреете, и сами передохнете. У нас там печка, яблок полно. Я бы тоже поехала, но дел куча. А вы уж погуляйте и без грибов не возвращайтесь!

– Будет сделано, – взял под козырек Виктор, и заулыбался, представляя треск дров, и расслабуху после похода по лесу.

– Мне бы вот такую же жену, как у соседа, – подумал он, собираясь в лес. Тихая, в доме все чистенько, и готовит прекрасно. А Николая видно любит. И не пей, и поешь, и блинчики тебе, и пирожки. Не то, что моя! – с горечью подумал он, вспомнив свою последнюю ссору и уход из дома.

* * *

С тех пор они сдружились и почти каждый вечер смотрели вместе с Николаем телевизор, играли в шахматы, и болтали о том, о сем. Виктор тоже стал в их доме постоянным гостем. И ни один праздник в их доме не проходил без его присутствия. Виктор даже поправился и залоснился немного, потому что частенько угощался Валиными кулинарными штучками. Одиночество Виктора уже мучило не так остро. Он был не один, а с друзьями, с хорошими соседями. А соседи, как известно иной раз лучше родни.

Все встало у Виктора на круги своя. И вечером, лежа на диванчике, он часто думал о вечном. Философствовал, сочинял новые стихи, и переживал мировые проблемы, глядя в телевизор.

Глава пятая

– Виктор, собирайся, хватит валяться, будем Рождество справлять. Моя уже и пирогов напекла, и салатиков сделала, – решительно сказал Николай, войдя в квартиру Виктора, которая всегда была открыта. Благо дело у них на двоих был общий коридор-холл, который отделял их от мира и обеспечивал им обоюдную безопасность.

– Да еще и Нового года не было! – удивился полу спящий Виктор, вставая с дивана,

– А по заграничному, сегодня! – сказал весело Николай. Какая разница, был бы повод! И по ихнему отметим и по нашему, – хихикнул Николай. У меня записи новые, кассетка американская отличная, вышак! – округлил он мечтательно глаза. Да свои уже приехали, ждем только тебя.

Виктор уловил запах пирогов, разнесшийся, наверное, до самого первого этажа и естественно забежавший в его квартиру, и лень его сразу же, улетучилась как облако. Иду, – сказал он. Дай только приоденусь.

– Ну, давай ждем, – выглянул еще раз из-за двери Колян, и скрылся в коридоре.

* * *

Виктора встретил шумный стол, потому что к соседям приехали их дети и друзья. И он растворился в этой семейной атмосфере, пахнущей елкой, пирогами и праздничной суетой.

– Ну, давайте, – сказал хозяин, наливая в бокалы вина. За Рождество! Хоть оно сегодня и католическое, но лучше перебдить, чем не добдить, – поднял он вверх палец, под общее одобрение гостей, вспомнив замечания Виктора. Вот так-то лучше будет! Ну, поехали!

– А по правде у нас сегодня с Николаем двадцать лет, как мы поженились, – улыбаясь, сказала Валя.

– Тогда, горько, – сказал Виктор. Ну, чего вы мне ничего не сказали, я бы подарок купил!

– Какие твои годы, еще купишь, – сказал, улыбаясь, Николай, после того, как поцелуй закончился. Мерседес нам бы не помешал... Или на худой конец, путевка на острова пригодилась бы!

– Ты его больше слушай! – перебила его Валя. Ты у нас сам, как подарок! Николай без тебя, как без рук.

– Ну, нет, я сейчас, – Виктор вылез из-за стола и вернулся с парой красивых бокалов. Я вам хотел на Новый год подарить, но вот сейчас пригодилось. Вы налейте в них вина, налейте, – загадочно сказал он.

– Давай, нальем! – сказал Коля. Во, здорово! – удивился он и гости, потому что из бокалов полилась мелодичная музыка.

– Бокалы с сюрпризом, – прокомментировал Виктор, довольный произведенным эффектом.

– Клади, холодечику, – подмигнул ему Николай, когда операция с бокалами, была завершена. А хренок, ух крепок, моя сама делала.

– Да возьму, не возможно не взять. Все так вкусно. Валюшка у тебя, аж, завидно! – улыбнулся Виктор, накладывая салат.

Валя заулыбалась, махнув рукой, но видно было, что такие похвалы она слушала не в первый раз.

– Мое! – сказал Николай, обняв Валю. Нужно знать, как выбирать. И красавица, и рукодельница, как в сказке, и меня просто обожает! – он шутливо задрал нос.

– Виктор тяжело вздохнул, поддерживая хвостовство Николая, изображая мимикой, – Где нам после тебя? Нам уж досталось, что осталось!

– Ничего Викторчик, мы и тебе невесту подыщем, – сказала Валя, подкладывая Виктору селедочку под шубой. А то и сам еще найдешь, ты у нас парень видный!

– Мам, а мы сегодня гадать будем? – спросила дочка Вали.

– Чего тебе гадать-то? Муж уже есть. Лучше не гадай, а то все прогадаешь, – сказала Валя, махнув рукой.

– А просто так, интересно. Ведь все сошлось, что мы раньше видели, – сказала дочка, ища подтверждения у мужа.

– Да! – удивился Виктор. А вы чего гадать умеете? Мне погадайте, у меня жены нет!

– О, наша мама чего только не умеет. И на кофе и на бумаге. Но самое, страшное, на зеркале! – округлила глаза дочка.

Я тоже хочу гадать, – оживился Виктор. Нагадайте мне невесту. А как это на зеркале гадать? Я что-то слышал, но до конца не знаю. На моем, мне бабушка рассказывала, в старину тоже девушки гадали. Только я не верил в это.

– А там нужно поставить два зеркала одно против другого, зажечь свечки, и смотреть, смотреть, вот из коридора невеста и выйдет, – сказала дочка. А потом она начнет приближаться, приближаться. И нужно вовремя закрыть зеркало, а то будут проблемы! – сказала Нина поежившись.

– И чего, правда, вы тоже все видели? – удивился Виктор.

– Нет, я на зеркале не гадала, страшно, а вот на бумаге, ну все на стенке видно. Как на негативе фотографии. И что в жизни произойдет, и лицо жениха. Что для вас будет важно в этом году. Я тогда Валерку увидела, он может подтвердить, потому что рядом стоял. Еще в той квартире, помнишь мам?

– Здорово, – сказал, еще не веря, Виктор. А чего с зеркалом, какие проблемы? Чего там прямо человек идет!? – обернулся Виктор к Вале.

– Моя бабушка гадала в молодости, так она там увидела своего мужа, моего деда, начала рассказывать она. А ее подруга, пошла гадать на чердак, там ее нашли с веревкой на шее. Говорят, если близко подпустишь, то может петлю накинуть. Она говорит, – смотрю, мужчина идет и в руках веревку вертит. А я на него уставилась, потому что еще не очень лицо разобрала, и хочется его получше увидеть. Думаю, еще немножко подпущу, а он подошел, и мне веревку эту и накинул, – сделала страшное лицо Валя, и обернув пальцем вокруг шеи, подняла его как по веревке вверх.

– А как же она это рассказала? – удивился Виктор. Она же повесилась!

– Да нет, она просто придушенная лежала, и вся белая от страха в обмороке. И веревка на шее почти затянута. Она немного зеркало все-таки закрыла, но немножко не успела. Вот и удушил он ее не совсем. Но я думаю это все сказки, а все равно страшно, даже рассказывать, засмеялась нервным смехом она.

– Да ну, ерунда какая! – не поверил Виктор. Хотите, я сейчас пойду и спокойно погадаю. Кто там может появиться, только ты сам. В этот момент Виктор немного струхнул, потому что вспомнил о своем двойнике, который жил в зеркале. Его он не боялся, но если появится кто другой? А, ерунда, появится женщина, а женщин я не боюсь, – подумал он, успокаивая себя. И к тому же за компанию, не страшно.

– Нет уж, придешь домой и гадай себе, сколько хочешь. А здесь разве только что, на кофе тебе погадаю. На, пей и думай о том, чего бы тебе хотелось, а потом переверни чашку на блюдце.

– Что там у меня? – спросил Виктор, заглядывая через плечо Вали на дно чашки. И не увидел там ничего кроме черной расплывшейся массы.

– О, Виктор, у тебя скоро будет много денег.... – сказала Валя, крутя чашку.

– Где, где? – засуетился Виктор.

– Да вот, видишь отдельные точки, видишь, как они сыплются в карман. Это твоя прибыль. А вот пальмы... Далеко поедешь. Наверное, купишь путевку в Испанию, – смеясь, сказала она.

– А женщина, женщина там есть? – обрадованный таким прогнозом спросил Виктор.

– Женщины пока не вижу, вижу много людей. Все у тебя будет хорошо, завершила свое гадание Валя.

– Спасибо сказал Виктор и запустил в рот еще один пирожок с капустой, нежно взглянув на нее...

* * *

– Да посиди еще, – сказал Николай, когда Виктор стал прощаться, еще не все выпили и не все съели.

– Нет, нет, я же вижу, все уже спать хотят. Я пошел, – сказал Виктор, направившись к двери и махнув на прощание всем рукой.

– Ну ладно, приходи завтра, вечером, доедим, не пропадать же! – согласился Николай.

Виктор вернулся в свою квартиру. Наскоро приняв душ, он поспешил лечь спать. В этот вечер он уже не смог заняться ничем таким. Он только критически взглянул на зеркало, и отражение помахало ему рукой, а он послал ему свою улыбку.

Где там моя невеста с веревкой? – посмеялся он. Где коридоры? Девушка, выходи, я тебя не боюсь, сострил он. Ни коридоров, ни девушки, все ерунда.

Он разделся, лег на диван и заснул.

Глава шестая

Но приближалось настоящее Рождество, православное. И как назло, в этот день Виктор был один, потому что соседи еще не вернулись от родственников.

– Ну что ж, не все коту масленица, – подумал он. Кроме тебя у людей еще и свои проблемы бывают.

И все же ему было даже обидно, что они оставили его вот так на такой праздник одного. Устроив себе не хитрый столик, и съев куриную ножку под рюмку коньяка, он быстро потерял аппетит. Одному праздновать было не интересно, и есть не хотелось. Без шуточек Коляна, без потчевания Валечки, все было не в радость. Виктор вспомнил свою семью и позавидовал Тамаре. Она-то там с детьми, может быть, и гостей назвала, веселятся, небось? – представил он их веселье. Виктор уже даже хотел позвонить Тамаре, но вспомнил, что у них еще нет телефона.

– Нужно было бы пригласить кого-нибудь в гости к себе, или напроситься к ним, – подумал Виктор, но вдруг понял, что у него нет никого, кроме Коли с Валею и своей бывшей жены, кого бы он хотел, и мог здесь видеть. Он маялся, потому что спать ему не хотелось, а делать было нечего. Виктор включил телевизор и стал смотреть фильм, который назывался «31 июня».

– Господи, и здесь то же! – подумал он, увидев, как красивая принцесса из двенадцатого века очутилась в комнате художника из двадцатого. И как? Через зеркало! Сказка, но очень красивая, а музыка! Наш звездный мост, наш звездный мост, – пропел он, вторя героине.

Глядя на хорошенькую актрису, принцессу, Виктор снова загрустил, ведь он был один, и никакой принцессы не предвиделось. И ему очень, ну просто очень захотелось, чтобы здесь как в сказке очутилась такая же девушка, с этими красивыми глазами, с нежными губами, и чтобы она села ему на руки и обвила его шею своими нежными ручками. Он уже представил, как обнимает ее милую фигурку, и несет на диван... Он даже покраснел от этой мысли.

– Чего это я так расчувствовался? – подумал он. Уже призракам рад, дошел до ручки без женщины. Скоро на них в лифте бросаться буду, как маньяк, и Виктор представил себя в лифте с красивой женщиной, которая, как и он, сегодня одна, и очень рада встретить рождество с ним. Он ведет ее в квартиру, снимает пальто. Дает тапочки... Зачем тапочки? Он снимает с нее одежду и, подняв на руки, несет к дивану...

Виктору стало и самому смешно, оттого, что все его мысли бродят около дивана.

– Но смех смехом, а впереди ничего не предвидится, – подумал он. Случайные варианты надоели, а другого, пока, где взять? Хотя, как в песне, – Любовь нечаянно нагрянет, – подумал он. А через сколько лет, нечаянно? Лет, этак через двадцать, когда он с палочкой ходить будет, – усмехнулся он.

– А ты погадай на зеркале, – сказал ему внутренний голос.

– А где же мне взять второе? – задумался Виктор.

– А в ванной. Сними и попробуй. А вдруг там невеста? – услышал он совет внутреннего голоса.

Виктор прошел в ванную и снял зеркало. Он придвинул маленький столик к комоду, над которым тоже висело зеркало, и примерился, видно ли что-нибудь. И, о чудо, в зеркале вдруг отразился длинный коридор с дверями. Виктор всмотрелся, на сколько долго тянется этот коридор, странно, но он не видел себя, а только этот коридор, который совсем не напоминал отражения его зеркал. Коридор в конце своем был наполнен дымкой, может быть оттого, что света в комнате было мало, горело всего лишь бра.

Виктор пренебрег полным ритуалом и решил, что если что-то такое есть, то все получится.

А если не получится, в другой раз купишь свечки, – подсказал ему внутренний голос.

Виктор хотел было, сесть поудобнее, не теряя из вида эту повторяющуюся и убегающую вдаль картину из дверей, и его глаза снова остановились на той дымке в конце туннеля. Он постарался не переводить взгляд, и ему показалось, что что-то шевельнулось вдали, и туман принял еще непонятную, но другую форму. Он как бы медленно двигался. К нему навстречу!

Виктор подумал, что это игра света, и всего лишь его желание увидеть что– либо, но туман, двигаясь, превращался в женскую фигуру, от которой отделилось темное облако тоже похожее на человеческую, но мужскую фигуру и по мере ее приближения, оно уходило все дальше назад, как будто даже цепляясь за нее. И вот уже стала видна головка со светлыми волосами, вот уже видны ручки, одежда. Ближе еще ближе! – уже желал Виктор. Ему показалось, что он уже видит лицо, и оно очень напомнило ему лицо Валечки. Она шла по коридору с букетом осенних листьев и на губах ее была какая-то страдальческая улыбка. Виктора как будто токомшибануло, когда он увидел ее глаза совсем, рядом. Они блестели, ресницы дрожали, и улыбка была настоящая! Он вздрогнул, в глазах его от напряжения защипало и он сел на стул. Все исчезло и теперь в зеркале уже отражалось только его напряженное и усталое лицо.

– Видел или придумал? – он и сам не очень то соображал и понимал. Это все пронеслось очень быстро, хотя и имело свое секундное время, и можно было принять это как образ, который мы часто видим в голове, если хотим, что-то представить. Разницу уловить было очень трудно. Но он видел, и знал, что он видел. И даже, запомнил одежду и выражение глаз! И, в то же время, этого уже не было. И ничто, не напоминало ему об увиденном! Лишь только память, или ее игра воображения.

– Валечка, – подумал Виктор, ловя ушедшую картинку в своей памяти. Конечно, думаю о ней, вот и представил именно ее, – подумал он, стараясь объяснить виденное. Куда мне, против Кольки!? Да и живут они душа в душу. Нет, все враки, и выдумка!

Виктор еще раз взглянул на себя критически, и ему не понравился свой собственный вид. Вздохнув, он выпил еще рюмку коньяка, устроившись на диване, задумался.

Мысли философского направления, как всегда полезли ему в голову. Он снова попробовал представить бесконечность, и поплыл все дальше и дальше сквозь пространство, наполненное звездами. Конца не предвиделось!

– Возможно, и кончается наш мир, тот который мы привыкли видеть, – подумал он. Может мы как микробы в руслах сосудов, и эритроциты видятся нам как звезды, кровь для нас представляется космосом. И мы думаем, что нет стенок русла, оно далеко– далеко, настолько далеко, что любая плотность для таких маленьких существ, которые живут на каком-нибудь тромбоците и еще и воображают о себе как о чуде природы, превращается в отсутствие ее.

– Да нет, дело тут не только в размерах, хотя для бесконечности каждый размер стремится к уменьшению, так как бесконечность бесконечно растет и ее границы бесконечно удаляются, и то, что является постоянной и конкретной величиной в этом беге становится все меньше, как станция, для отошедшего от нее поезда. Та субстанция, которая составляет бесконечность становится для этого размера все более разряженной и просторной, как увеличивается пространство между поездом и станцией по мере его убегания.

Это был второй секрет, который лежал на пути познания мира. Это теория большого числа, у которого нет определенного размера. И то, что бесконечность та же материя, только пространственно временная.

– Кошмар, мозги идут в разнос! – подумал Виктор, отпустив мысль и снова вернувшись к ней.

– А еще, эта бесконечность обязана уходить и в сторону уменьшения также бесконечно. И получается, что для каждого, чересчур мизерного, он сам кажется пупом земли, потому что в точке его существования, координаты отсчитывают удаление в меньший мир. И предельно малому размеру тоже нет конца. Может ли это понять наш ум? Нет! Наш ум устроен так, чтобы понимать трех мерность и конечность. А дальше заклинивает. Это так же, как какой-нибудь робот спроектирован различать только два цвета. Путем рассуждений он может догадываться, что раз цвет передается длиной цветовой волны, то она может иметь совершенно разные значения, и, стало быть, должны существовать различные цвета. Но он никогда не сможет до конца понять этого, потому что умеет видеть только черное и белое! Как он поймет, что такое красный цвет? Такой микросхемы в его конструкции нет.

Мы роботы, с определенной программой видения мира. Или необходимость существования в трехмерном мире и вырабатывает эти способности видеть, трехмерное? Клетки трехмерные, нервы трехмерные, и вокруг все трехмерное. Все ли?

Сложно, все это сложно, так и в психушку к тете Варе попадешь, – ответил Виктор в душе сам себе, и заснул.

* * *

На следующий день, вечером, когда Виктор только успел раздеться, придя с работы, к нему забежал Николай.

– Моя сегодня во вторую смену, давай понемножку. У меня сегодня такой облом, нервишки нужно успокоить, – сказал Николай с расстроенным лицом.

Николай достал бутылку коньяка и передал ее Виктору, – держи, а я пойду, разденусь. У тебя закусить то что-нибудь есть? Не хочу, чтобы моя заметила, что мы с тобой нарушали, съест!

– Все есть, заходи, пять секунд и все готово, – взбодрился Виктор.

– Отлично Виктор, я сейчас! – Николай ушел в свою квартиру и через пять минут явился, принес все же две котлеты и соленой капусты.

– Садись Колян, сейчас новости будут. Какие проблемы? Рассказывай, – налил Виктор две стопки. Ну, давай! – чокнулся он с Николаем.

– Да понимаешь, мой шурик собирает бригаду на стройку за границу. Я уже от него добро получил, да сегодня медкомиссию проходил, а у меня сердце оказывается не в порядке. Не взяли. Там говорят жара, очень большая провокация для сердечников. Не выдержу. Еще и прививки, куча, тоже мне не рекомендованы! В общем, все! Проехали! Ни тебе Африки, ни тебе пальм, ни тебе бабок. Ну и ладно, что Бог не делает, все к лучшему. А то подхватил бы там какую-нибудь амэбу или грипп, помер бы и никакие деньги не нужны! Там знаешь сколько инфекции! А деньги, их всех не заработаешь.

– Да! – поддакнул Виктор.

– Зато с Валечкой не разлучусь. Два года может, и не выдержал бы, сам сбежал бы! – Николай закусил выпитое, лимончиком.

– Закон подлости, – сказал Виктор, особо не проникаясь горем друга. Перспектива остаться без его присутствия была грустной. Только что нашел товарища, и вдруг, снова замкнуться одному в своей квартире! Он даже обрадовался такому повороту дел.

– Нам с тобой и здесь неплохо будет. Не бери в голову. Если бы это предложение лет в двадцать, а сейчас! Хотя, посмотреть другие страны! Мне бы хотелось!

– Слушай, а хочешь, я про тебя с шурином поговорю. Им водители нужны. Вдруг да повезет! А я ему сейчас прямо и позвоню, давай телефон.

* * *

– В Африку?! – вздохнул про себя Виктор, получив загранпаспорт с визой и билет на самолет. ОН ехал в автобусе, и его голова работала только на предстоящие перемены, не замечая знакомых городских пейзажей проплывающих за окном, ни сутолоки в салоне. Он представлял уже аэропорт, самолет, облака под крылом и долгожданную жару, которой так не хватало в эти зимние дни. Впереди было столько нового и незнакомого, как в начале жизни, и, наверное, поэтому в душе была весна, какая-то спокойная радость и мечты.

Совсем недавно он и подумать не мог, что все так может измениться в его жизни.

– Не было ни гроша, да вдруг алтын! – улыбнулся он. Теперь он мог не бояться за вечные денежные проблемы, они теперь решались очень просто. Две штуки в месяц! Не плохо. И долги все легко погасить, и в банке за два года сумма приличная накопится. На душе стало легко. ОН даже, кажется, подрос сантиметров этак на десять, и в его теле появилась какая-то легкость и солидность. Он смотрел на себя уже не так, как месяц назад.

– Кто он был раньше? Несостоявшийся инженер, и бесперспективный водитель? Хотя и на телевидении, но всего лишь водитель. Это после МАДИ! Докатился! А что было делать? Институт закрылся, зарплата сошла на ноль, и кроме того, что его пилила и ныла жена, он и сам понимал, что дальше так жить нельзя. Слава Богу, выручило умение водить машину. Он выполз из подбирающейся нищеты. Он снова смог бы обеспечивать семью. Конечно, все оставляло желать лучшего, но это был уже твердый заработок в приличной организации.

В будущем он надеялся и на свои стихи, и в тайных своих мыслях не сомневался, что они еще принесут ему славу. Он уже видел стопки книг на прилавках, с красивой кожаной обложкой и портретом на первой странице. Непременно с гитарой. Он вспомнил свою удачную фотографию, и в книге рядом с биографией красовалась именно она. Но пока эта надежда была очень призрачной и воздушной. Как маленький довесочек к его возможностям. Наследство ему не грозило, нобелевская премия и выигрыш в лотерею тоже, и вот так он мог прожить всю жизнь!

Та удача, которая выпала ему сейчас, была верхом мечтаний, и она решала все. Виктор попробовал представить реакцию Тамары на сообщение об его командировке.

– Вот так! А ты думала, что я ни на что не пригожусь больше. – злорадно подумал он. Теперь кусай локти! А хотел бы я снова вернуться к ней? – подумал он. Не знаю. Уже и один привык жить. Свобода это тоже хорошо. А там посмотрим!

Виктор поймал себя на мысли, что гораздо больше ему хотелось бы видеть рядом с собой Валю. Ему хотелось такой же уютной и спокойной жизни как у Коляна. Он по большому счету каждый раз завидовал ему, когда приходил к ним в дом. Валечка, вот что нужно было ему для полного счастья. Но она была чужая жена. И вряд ли ему светило что-то большее, чем он имел.

Иногда ему казалось, что Валечка уж слишком заботится о нем. И он приписывал это ее возможному интересу к нему как к мужчине.

– Хотя может быть это всего лишь сочувствие доброго человека? Она просто добрый и порядочный человек, – решил он, стараясь закрыть свои сомнения.

Он вспомнил, как однажды ехал с Валею в лифте. Они столкнулись в нем вечером после работы. Валя шла с сумками из магазина, и Виктор постарался взять их у нее. Валя вздохнула облегченно.

– Все руки оттянули. Вроде ничего не купила. А нести тяжело, – оправдывалась она.

– Жалко, что я тебя не встретил пораньше, помог бы от магазина, мне то это легко. И вроде при деле, как раньше, когда жил с семьей. В магазин часто ходил. А сейчас даже при-

ятно, как маленькая ностальгия по семейной жизни. А для тебя бы Валечка я сумки таскал три раза в день! – улыбнулся он.

– А мне бы хоть месяц одной пожить. Никак Колю в дом отдыха не спроважу. Надоело, все одно и то же. Работа, магазин, кухня. Вот я бы повалялась на диванчике! – улыбнулась Валя.

Виктор слушал Валю и чувствовал, как в его душе возникает предательское желание поцеловать ее. Благо руки были заняты, а то кто знает, сдержался бы? Он был близко к ней, и мало того в этом замкнутом пространстве они были одни, и казалось, что законы жизни за лифтом, в эти секунды могли не действовать. Валечка, он заметил, немного засмузилась, и этими простенькими жалобами на обычную повседневную жизнь, прикрывала свое стеснение этой близостью. Она была предательская и провоцирующая. И возможно первый раз это они почувствовали вместе.

Но секунды кончились, лифт открыл свои двери, и Виктор, желая продлить их близость, нес сумки до дверей квартиры и потом внес их в нее, и остановился, не желая уходить.

– Спасибо Виктор, – Валя поставила сумки поудобнее, и стала снимать плащ.

Ее лицо было немного румяным, ресницы опущены, а светлые колечки рассыпались по спине. Виктор не удержался и потрогал ее волосы. Валя обернулась и посмотрела на него немного испугано. Но ее взгляд задержался чуть больше на его глазах, и этого было достаточно, чтобы он вдруг обнял ее и прижал, уткнувшись в ее шею, закрытую кудряшками.

Валя мягко отстранила его, но не бросила обидных и резких слов. Она улыбнулась и погрозила ему пальцем.

– Прости, не удержался. Ну, я пошел – сказал Виктор, и быстро скрылся в коридоре.

Он зашел в свою квартиру с бушующим океаном в груди. Он был поднят на какую-то невидимую вершину в чувствах, которые подарил ему этот миг.

– Когда такое с ним было последний раз? А может быть даже никогда! По крайней мере, за все годы с женой, такого, он не испытывал. Обычные необходимые семейным правилам и физиологии отношения. Без восторгов, без этой волны нежности и удушающей страсти. Все было обычно.

Господи, сколько же лет он прожил не так! – подумал он. Нужно было бежать от этой обыденности от этой серой жизни давно, и кто знает, как бы повернулась жизнь у них обоих. Ведь Тамара, судя по всему, тоже ничего подобного не испытывала в моменты их близости. Для чего они обманывали друг друга? Дети! Нужно было растить детей, и обеспечивать не себе, а им хорошую жизнь. Вот почему. Одна ошибка, а потом, уже масса обязанностей, нитей и пут. И ты уже не принадлежишь себе. А мимо проходила жизнь, настоящая, интересная, и где-то его ждала женщина, ради которой хочется свернуть горы!

Да, о чем он и жалел сейчас перед отъездом, так это о том, что теперь встретиться с Валечкой в лифте, ему не удастся почти год, а то и два!

– И все-таки, белая полоса, у него началась белая полоса! – вздохнул весенний воздух Виктор, выйдя из автобуса. Была черная, а стала белая! Вот как бывает! Но почему судьба встала на его сторону? И квартиру получил, и теперь эта командировка? Почему раньше ничего, как ни тужился! Это все Колян, дай Бог ему здоровья. Хотя, если бы он был здоров, то я ничего бы этого не имел! – подумал Виктор. Хорошо, что у него маленькие проблемы.

– Опомнись, ты уже радуешься на горе твоего лучшего друга, да еще который так тебе помог! – возопил внутренний голос.

– Но я же не виноват, что у него сердце пошаливает. Выпивал, и холестерина много поглощал, а я то тут при чем? А потом, все-таки не так уж он прост, как я думал! Устраивался на работу за границу и молчок! Мне ничего не сказал, а мог бы и меня с собой взять! Так что, он тоже хорош! И за мои сорок сливки всегда доставались не мне, а другим! А ему то всю жизнь с верхом. И жена, и семья, и по квартирам не маялся. И зарплату ему никогда не

задерживали, да все у него в жизни прекрасно. А мне хоть сейчас от жизни что-то получить. Наверное, я заслужил! – оправдывался Виктор.

– Не нравишься ты мне! – сказал ему внутренний голос. Вообще-то все, что ты сейчас наговорил, – называется неблагодарностью и завистью. Раньше в тебе такого не было. Смотри, стихи писать не сможешь. Вот так сотрутся твои лучшие чувства, а на худших, далеко не уедешь. По крайней мере, для людей жить не сможешь, а для себя любимого – другим не интересно.

– Да ладно, не такой уж я плохой. Это я так, сам себя уговариваю. Коляна я уважаю. И конечно говорю ему спасибо. Вот сейчас приду, устрою прощальный ужин и так и скажу ему все, – подумал Виктор.

* * *

– Ну ладно, ладно, какие счеты, – сказал великодушно Николай. Нет худа, без добра и добра без худа. Значит мое добро совсем в другом. А твое, в этом. Привези нам что-нибудь такое африканское. Интересно!

– Да я вам целый чемодан сувениров привезу, пообещал Виктор и пошел делать последние приготовления к отъезду.

Когда все было готово, чемоданы уложены, документы проверены, и порядок в квартире досконально наведен, Виктор, поставил чайник и пока тот кипел, подошел к зеркалу в коридоре. Он увидел свое помолодевшее лицо, потрогал рукой волосы, изобразил подобие улыбки, разглядывая себя в разных ракурсах.

– Ну, что приятель, дожил до хороших дней? А ведь все ты, – обратился он к отражению. Если бы ты тогда не дал мне дельный совет, когда я уже готов был выпрыгнуть с балкона, не было бы всего этого.

Ему показалось, что отражение хитро улыбнулось, и оно ответило, – так ведь в этом есть и моя корысть. Ведь без тебя не было бы и меня, а еще...

Тут Виктор услышал звонок телефона. Звонила его жена.

– Ну, до свидания. Небось, и не позвонил бы на прощание? Тебя провожать то кто-нибудь пойдет? – спросила она, стараясь хоть как-то продлить разговор, который мог и не состояться.

– Да зачем мне провожатые, что я маленький? – возразил Виктор. Там нас будет встречать наш руководитель. А здесь я уже заказал такси. Так что все нормально.

– Ты знаешь Виктор. Мало ли что в дороге. Я не хочу, чтобы мы с тобой расстались врагами. Ты как хочешь, но мы с детьми придем тебя провожать.

В душе у Виктора дрогнуло. Первый раз за долгое время он услышал беспокойство в голосе жены, и оно касалось его самого. Он вдруг сразу вспомнил свою прежнюю жизнь, и все, что было неприятного, уже таким не показалось. Теперь это было где-то там, в другом срезе его жизни, в другой проекции, где все это приносило грусть, обиду, безысходность. Теперь Тамара, дети и он сам, как будто легли в его голове совсем другой волной. В которой, он был на коне, у него был выбор, у него в принципе была возможность вернуться, и начать все сначала, с другой стороны продолжая старое. Другими словами, он мог зачеркнуть все плохое и начать новую жизнь, и все это зависело от него. У него была фора, и от этого спокойствие опустилось на душу Виктора. Отказаться от прощания с детьми он не мог, и поэтому сказал

– Как хотите. Если охота тащиться в аэропорт? Приезжайте к девяти, а то потом документы, багаж, группа, мало ли что, А так успеем попрощаться.

Наутро, в шуме аэропорта, Виктор подумал, что идея с проводами очень даже удачная. ОН был как все, которые стояли в кучке перед первым коридором, о чем-то говорили, цело-

вали друг друга на прощание и лица у них были веселые с грустным оттенком предстоящей разлуки. Виктор подумал, что будь он сейчас здесь один, ему было бы противненько. Он опять был бы одиночка. А так, не хуже других.

ОН посмотрел на детей и увидел в них свои черты, сглаженные Тамариными. Голос сына был уже грубовато мужским, он пожал отцу руку как взрослый и молча продолжал стоять рядом. Дочка, крутила головкой по сторонам, и видно, что эта жизнь аэропорта и эти хлопоты с чемоданами, с этой волной восторгов и любопытства, улетающих в другие незнакомые страны, рождали в ней желание быть среди них, и ждать, что же она увидит через три часа лета. Ведь через эти часы, отлетающих ждали море, Эйфелева башня, улочки Вены и магазины, магазины... Она смотрела на табло, и одни только названия приводили ее в трепет.

– Желание улететь далеко, далеко в красивые дальние страны, читал Виктор в ее глазах, и совсем не находил там переживания от разлуки с отцом.

– Ну, пока дочка, пока сын, – сказал Виктор, целуя на прощание детей.

– Давай уж поцелуемся, – сказала ему Тамара первой. Счастливого пути.

– Папа пиши нам письма и приклеивай красивые марки. А еще привези мне что-нибудь красивое... – сказала ему дочка, когда он уже сделал шаг в сторону контроля.

Глава седьмая

Виктор, прошел последний контроль и оказался в зале ожидания. Он бродил налегке, по мраморным залам, напичканным всевозможными киосками, магазинчиками и кафе, и разглядывал все, что ему попадалось на глаза. Он вдруг почувствовал себя человеком другого сорта. Более высокого! Ведь теперь он принадлежал к кучке этих счастливицов, которые могут вот так запросто, с огромными багажами и семьями, с маленькими сумочками и налегке, с серьезным и респектабельным видом, ведя под руку расфуфыренную дамочку, лететь в другую страну! В ожидании команды, проходить в самолет, гулять по залам, разглядывая товар, беспечно сидеть в кафе с чашечкой кофе, или покупать своим чадам очередную безделушку из киоска. Он, правда, пока что не мог позволить себе тратить деньги в этих магазинчиках и киосках, но даже эта ознакомительная прогулка по чистым вестибюлям аэропорта доставляла ему массу приятных впечатлений и восторгов. В душе у него все пело. Он подходил к киоскам с кофе и дорогими пирожными, и посмотрев на цену, уходил к следующему со всякой всячиной, и посмотрев на это тоже уходил смотреть следующую витрину. Он удивлялся на пассажиров, для которых видимо этот полет проходил не первый раз, удивляясь их спокойствию и даже будничности, с какой они пребывали в аэропорту.

А он летел за границу первый раз, и восторгался каждой мелочи, которая присутствовала при его отлете.

– Такое красивое здание, куча народа и он такой же, как они! Это тебе не поездка в переполненном автобусе по Москве. Это полет в аэробусе до Дакара! Господи, думал ли он полгода назад, что в его жизни будет такое? Виктор завидовал сам себе.

* * *

В самолете рядом с Виктором села молодая негритянка, лет тридцати, с другой стороны, коллега из их группы, с которым он еще не был знаком коротко, только мельком.

– Сейчас познакомлюсь с соседями, лететь пять часов, а это тошнехонько, если молчать и в иллюминатор смотреть! Поговорим, а потом за полет и винца выпьем. Здесь же наверное, дают к обеду? – подумал он, приглядываясь к девушке.

Но девушка оказалась не разговорчивой, и на вопросы Виктора отвечала по-французски, эскюз моа, же не компран па. Она не высказывала никакого любопытства по поводу соседства, и вид ее был безразличным. Девушка была одета в белые джинсы и розовую майку. Виктору очень хотелось разглядеть ее лицо по подробнее, но она сидела, отвернувшись к окну и о чем то думала.

Виктору не оставалось ничего другого, как тоже заняться своими мыслями, и он закрыл глаза, вспоминая Коляна, Валю, и своих детей.

– О Тамаре я совсем не думаю, – подумал он через несколько минут, даже с какой-то обидой за нее. Жена бывшая все-таки! А для меня, как пустое место! А ведь ближе пока что никого не было, и нет. Друзья, это друзья, а жена, даже если ты с ней развелся, все равно родственница. Ничего, скоро заработаю много денег, помогу им. А то, как – то не честно получается. Прожили мы с ней восемнадцать лет не богато, а как мне повезло, так она и не причем!

– А что ты запоешь, когда женишься второй раз? – спросил его внутренний голос. Как со всем этим родством жить то будешь, шепнул ему внутренний голос.

– Женюсь! Да вряд ли! Что-то я пока один пожил, ни одной подходящей женщины не встретил. То выгоду ищут, то хотят сразу, чтобы я жил для интересов ее детей. То требуют, чего я и Тамаре – то никогда не делал. Нет, это будет очень трудно. Хорошая женщина пока

что мне попалась одна, это Валя, но она жена друга. Так что! – подумал он и посмотрел на табло. На нем зажегся сигнал пристегнуть ремни.

Виктор не любил взлет, и даже был рад, что задумался так надолго. Но все же он услышал слова стюардессы, и стараясь не показать, что эти минуты ему не приятны, он напрягся, зажал в руках ручки сидения и сделал очень серьезное лицо.

– Африка, пальмы, слоны, тигры. Негры. Их же там на каждом шагу. Интересно, там, наверное, и кокосов, и ананасов полно? За два года наемся, и загорю и мир посмотрю! Если не бахнемся, конечно! – подумал он и представил как шарахается самолет об землю и...

– Да нет, наверняка и подумать не успеешь, – успокоил он себя.

Самолет затих, а потом плавно стал набирать скорость и вот уже Виктор увидел крыло самолета, сделавшего наклон при повороте на нужное направление.

– Не бойсь, помереть можно везде. Это уж где кому придется, а по теории вероятности, нам все должно прийти в разных местах. Не может быть, чтобы всем и одинаково, – рассмеялся его сосед. Первый раз в Африку? – спросил он, улыбаясь, Виктора. Я слышал, ты водилкой у шефа будешь? А я то уже второй раз. Я бригадир у бетонщиков. Все время на свежем воздухе! Видел, какой я черный! Это с того года. Ага! Этот загар так въелся, что уже, наверное, на всю жизнь. Там же пятьдесят градусов, так разморит на солнце, только кофе и спасаемся. В жару, положено крепкий пить. Не выпьешь, смякнешь! Да! А ты думал там рай? Небось, думал фрукты, океан, пальмы? Если бы не деньги, ни за что бы не полетел. Климат не дай Бог! Жарища кошмар! Я раньше тоже так думал, буду купаться в выходные и загорать на песочке. Какой загар! На работе так напыжишься, что к вечеру, лишь бы в прохладную простыню завернуться. А насекомые, а песчаные бури? Господи, там же воды приличной нет! Так что не думайте что это рай. И воду теплую будете пить, и песка наглотаетесь. И к тому же, сразу по-дружески не советую связываться с местным населением, ты понял, о чем я. Я имею в виду женщин. И болезни, и провокация. Все может быть.

– Какой напиток желаете? – услышали они голос стюардессы.

– Давай по коньячку! – сказал сосед. Надо же отметить начало, потом будет некогда, да и сам не захочешь.

– Мне сок грейпфрута пожалуйста, – сказала негритянка, и Виктор постарался успеть разглядеть ее лицо. Но девушка, взяв стакан, отвернулась к иллюминатору и стала посасывать сок из трубочки.

Виктор удивился, что лицо девушки вызвало в нем интерес, но оно было настолько сложным для его восприятия, что он, даже закрыв глаза, не мог вспомнить его. Это было необычное лицо, для представления русских о негритянках. Это была чернокожая женщина, с черными волосами, заплетенными во множество косичек, но с правильными чертами лица, и совершенно очаровательным носиком. От женщины слегка доносился запах духов с тонким оттенком океана песка и юга. Виктор заметил, как сверкнули угольки ее глаз, при ее повороте головы. Он понял только одно, что он очарован этим лицом, хотя не может повторить какое оно в его памяти.

– Хо-хо, поднимая палец, – сказал сосед, показывая незаметно на женщину.

– Я думал они там не такие красивые, – шепнул ему Виктор.

– Красивые, еще какие. А фигурки, а темперамент! Насмотришься еще. Но помни, поднял он указательный палец. Трудно, но не надо! Ты женат?

– Женат, – соврал Виктор.

– А ну да, я же вас в аэропорту видел. Ну вот, подумай о последствиях.

* * *

Полет прошел удачно. Сосед был настолько болтлив, что Виктору даже захотелось тишины и покоя. Но эта его мечта воплощалась лишь не на долго, когда сосед отлучался в туалет, да когда часа через три он вдруг решил заснуть. Виктор иногда поглядывал в сторону девушки, которая сидела через кресло от него, но она сидела, закрыв глаза, хотя не спала, и Виктор оставил эту мысль, поближе познакомиться и поговорить с ней.

– И чего я так разлюбопытничался? – подумал он, когда и сам решил посидеть с закрытыми глазами. Девушка как девушка, совершенно из другого мира, и я ей не интересен, и мне в ней что?

Он не заметил, что при выходе из самолета, когда Виктор подал ей с полки сумку, она вздрогнула. Как будто, что-то, поразило ее в нем. Она, даже, открыла рот, чтобы что-то сказать ему, но не сказала. А толпа выходящих из салона, разделила их и понесла к паспортному контролю, только на другом конце полета.

* * *

В группе с коллегами, Виктор сел в автобус, присланный за ними шефом, и поехал по незнакомой стране, с любопытством глядя в окно автобуса. Сначала пейзаж не очень поразил его, за исключением цветников и пальм в аэропорту. Первым отличием были, конечно, люди. И в Москве африканцы не были редкостью, но здесь их было так много, что удивляться приходилось, если навстречу попадались европейские лица. Виктор заметил и то отличие, которое вдруг возникало с теми пассажирами самолета, которые в аэропорту смотрелись экзотично, гостями. И все в них отличалось от коренных жителей. И походка, и взгляд и манера держаться. Здесь они вдруг обретали совсем другой вид. В их жестах появлялась уверенность хозяина дома, они какими-то незаметными чертами становились совсем не московскими африканцами, а местными и обычными жителями. В чем это заключалось? – думал Виктор. Может быть в том, что теперь они попадали в свою родную ауру, с родным языком. С родными понятиями и жестами. Они сливались с многочисленными такими же жителями этой страны и их важный и отчужденный вид пропадал, они так же тащили чемоданы, их так же встречали, и обнимая заряжали местными проблемами. Они уже жили домашними заботами, которые и радовали их, и немножко тяготили. Они вернулись в свой дом. И вид свой поменяли с гостевого на домашний.

Виктор смотрел на пейзаж примыкающий к аэропорту, и не видел ничего кроме чахлой сожженной травы и хилых веточек с колючками. Но по мере того, как они удалялись от аэропорта, постепенно все менялось, и вот уже появились красивые цветущие кусты вдоль шоссе, необычные цветы и хижины с пальмовыми крышами. Он видел стайки птиц, весело порхающих по небу, видел коров, пасущихся на траве, но это были другие коровы, с совершенно другим телом и рогами, и даже шкурой. Солнце светило так ярко, что в сердце поднималась радость и от его лучей и от невозможно ярких красок растительности и цветов и от всей этой ленивой живности, и от этих черномазых ребятишек, играющих на песке около дома. Он видел жителей в национальных одеждах, представляющих собой просторные длинные рубахи и, удивительно намотанные, платки на голове. Он видел крупницы быта простого, не богатого народа, которые сменялись современными бензоколонками, супермаркетами и небольшими городскими поселениями. В окно врывался свежий ветер, и Виктор с удовольствием подставлял ему свое лицо, чувствуя, как ультрафиолет начинает настойчиво проникать в его кожу.

Он оглянулся на своих коллег, и не заметил в них того восторга, какой возник в его сердце. Некоторые дремали, кто-то, лениво облокотившись на спинку сидения, смотрел и довольствовался маленьким обзором. Его сосед по самолету увидел его взгляд, и мигнув Виктору, снова углубился в сидение.

Виктор теперь уже не сомневался что он не только в другой стране, но и на другом континенте, сказочном и таком далеком в его прошлой жизни. Автобус выехал на шоссе, бежавшее вдоль океана, который мощно сверкал на солнце и поражал зрение, ярко синим цветом воды.

– Горизонт здесь такой же, как и на море, но почему-то здесь эта синяя даль ощущалась более мощно и значительно, чем на берегу моря, например Черного! Почему? – Виктор тоже не находил ответа. Может быть, это все потому, что я знаю, что это океан, а не море? – думал он.

Огромные и небольшие отели стояли вдоль берега, окутанные густой зеленью, и Виктор уже обрадовался, представив, что его комната будет в одном из них, и он каждое утро и каждый вечер, будет смотреть на эту невозможную ширь, не похожую на просто море, а на океан, и на его бесконечный песчаный берег. Но автобус съехал с дороги, идущей вдоль такого чудесного берега, и поехал, крутясь, по многочисленным кишашим людьми и машинами, улочкам, все дальше углубляясь в центр города. И здесь, было много тенистых парков, и Виктор отметил множество заманчивых местечек, которые он хотел бы пробежать, посмотреть и пощупать своими руками, но автобус удалялся и от них.

– Ничего, как только будет свободное время, побегу гулять по городу, пройду все эти местечки, наснимаю на пленку, времени то куча. Целый год! – думал он.

Его мысли остановились вместе с остановкой автобуса около небольшого отеля на тихой улочке, сразу же после рынка.

Вирджиния, – прочитал он название отеля и просчитал две звездочки над названием. Тех великолепных мраморных отелей, увитых парками и красивыми дорожками с бассейнами, здесь не было. Вдоль улицы стояли небольшие четырехэтажные дома, некоторые из них сохраняли в своих чертах древность архитектуры. Другие были свежеиспеченными. Виднелись столики кафе, стекла магазинов и люди, идущие с покупками в корзинах. Воздух был неподвижный, хотя и не обжигающий. Океана здесь не ощущалось, и это был при-
скорбно. Зато запах улицы был очень своеобразный. Это была смесь запаха цветов, фруктов и бензина.

– У меня сорок пятый, побегу занимать душ, – мигнул ему сосед и исчез на лестнице холла.

– А у меня тринадцатый, – отметил Виктор, решив, тоже быстрее попасть в номер. Он открыл дверь ключом и был приятно удивлен тем, что номер оказался на одного.

Прекрасно, это число нам сулит чудесное обитание в этой стране, – подумал он. Он не считал тринадцать плохим знаком. Скорее магическим.

В номере было две комнаты, одна из которых совмещала в себе возможности маленькой кухни и гостиной. А вторая была спальней, в которой стояла довольно широкая кровать, с прекрасным бельем. Парочка эстампов с африканскими мотивами, и маленькая ваза с цветами.

– Ого, балкончик, восхитился Виктор, проходя на него и расстегивая рубашку и джинсы. Он стащил с себя одежду и вдохнул воздух. Окна выходили на маленькую улочку, за углом которой виднелись огоньки кафе. В окно виднелись вершины гор, и доносились разнообразные звуки города. В ванну, скорее в ванну, – с радостью представляя прохладную воду, открыл дверь в нее Виктор. Он открыл душ и встал под него, наслаждаясь его потоком. Нет, жара это не так страшно, потому что есть куда нырнуть охладиться, – подумал он. Днем потерпим, но вечером и утром, – пожалуйста. В армии, что ли лучше? Нас жарой не запу-

гаешь, – вспомнил он предостережения соседа по самолету. Пар костей нам не ломит, зато похудеешь и не простудишься!

Виктор хотел включить телевизор и перед тем, как заснуть посмотреть, что же показывают по их телевидению, но упал на кровать и через пять минут он уже спал счастливым сном, дыша воздухом Африки.

* * *

В то время, как Виктора увозил от аэропорта автобус, его соседка по креслу, занялась ожиданием багажа. Она нервно посматривала по сторонам, но казалось не находила того, что бы ей хотелось. Сложив чемоданы на тележку, девушка вышла из зоны контроля. Она тут же увидела встречающих, молодую женщину и мужчину лет тридцати.

– Госпожа Клара, позвольте ваши вещи, – принял слуга, ее тележку и повез к автомобилю, припаркованному около аэропорта. Он загрузил их в автомобиль, и вскоре к нему подошли и те две женщины. Они оживленно разговаривали.

– Летисия, мне нужно как можно скорее увидеть дедушку. Он здоров? – спросила прилетевшая женщина, все еще продолжая смотреть по сторонам.

– Да, все в порядке. Он занимался нашими книгами, я не стала настаивать, хотя он готов был ехать со мной. Пьер как всегда на вызове. Но расскажи, как прошла твоя поездка.

– Все прекрасно, встретила с Кристианом, он очень был благодарен за помощь. Прогулялась по Москве, была в посольстве на вечере, посвященном неделе Сенегала. Все как обычно. Необычное, меня ждало в самолете. Но сначала давай все сядем за стол, я хочу, чтобы эта информация не потеряла остроты.

Оживленно разговаривая, девушки сели в машину и через тридцать минут, они уже были в своем доме.

– Как будто попадаешь в другой мир, – сказала Клара, идя по дорожке парка к дому. Как жить в той ужасной погоде, без океана, без этих цветов и птиц. Я не знаю. Франция, все же ближе мне по душе, но Россия, экзотика на несколько дней, и достаточно. Еще утром я мерзла от этого зимнего ветра, а сейчас на тело достаточно накинуть шелковую тунику и сандалии. Снег интересен, но не в городе. Там он быстро превращается в грязную слякоть. И потом эти краски, сумрачные одежды. Повсюду почти черный, серый и коричневый цвет. Это наводит тоску.

– Клара, с приездом, – дедушка поднялся с плетеного кресла, стоящего в парке. Перед ним лежала старинная рукопись.

– Как успехи дедушка, продвигаются? – спросила Клара, целуя рослого негра, лет семидесяти, но еще достаточно крепкого, и лишенного признаков старости.

– Боюсь, что мы встали перед фактом, который очень трудно будет преодолеть. В тексте сказано, что должно было быть изготовлено четыре зеркала, на каждом из которых должно быть выгравировано изречение, в целом составляющее мудрость. У нас их только три. Каждое зеркало предназначалось для особого ритуала. Если бы не те ужасные времена, в которых погибло много наших людей, все реликвии были бы здесь.

– Но почему нельзя изготовить это зеркало сейчас? – сказала Летисия.

– Это особое мастерство, и прежде, чем сделать зеркало, обладающее такими качествами, нужно многое изучить. И к тому же несколько страниц в нашей книге размыты и испорчены. Я восстановил текст и рисунки, но не могу быть уверен насчет знаков четвертого зеркала. Наш вождь знал больше и умел делать магические предметы. И кто знал, что он уйдет от нас так надолго.

– Дедушка, – сказала Клара. В самолете со мной произошло странное событие. Я летела с русскими, и поэтому отвлеклась на свои мысли, не желая поддерживать их разго-

вор. Если бы я обратила на это свое внимание раньше! Но я не услышала голос духов. И увидела то, что на руке русского был наколот наш знак, только уже при выходе из самолета. Я надеялась увидеть его при получении багажа, но он исчез.

Дедушка у него на руке был знак похожий на знаки трех зеркал. Там была надпись, но я не успела ее прочесть. Рука мелькнула перед моими глазами, и я на секунду остолбенела, а потом потеряла его из вида.

– Знак зеркал? Но его не знает никто, кроме посвященных. Это ошибка! Или...

Дедушка открыл книгу и показал Кларе выгравированные знаки.

– Посмотри еще раз, ты видишь сходство? Ты не ошиблась? Это очень серьезно, если это не так! – сказал старый негр.

– Да нет дедушка, я с детства запомнила эти картинки. У него на руке был точно такой же, за исключением нескольких деталей и надписи.

– Это похоже на знак четвертого зеркала, проговорил дедушка. Странно, откуда у русского этот рисунок.

Дедушка, может быть, дух нашего отца говорил нам об этой встрече. Ведь он направил нас в Москву именно в эти дни! – воскликнула Летисия.

– Что ты можешь сказать по этому поводу еще? – спросил дедушка.

– Я ничего не слышала из их разговора, и мало поняла. Если бы я обратила внимание на его знак раньше. Но он был на другой стороне, от меня. И только когда он снимал с полки мою сумку, я увидела его. – оправдывалась Клара.

– Мы должны увидеть этого русского, чтобы разобраться во всем. И естественно сначала найти его. Позовите ко мне Александра, – сказал дедушка.

– Я вас слушаю, сказал вошедший негр, лет пятидесяти.

– В нашем городе появился русский. Он прилетел в нашу страну сегодняшним самолетом. Нам необходимо найти его. Дай команду нашим людям смотреть во все глаза. У него на плече наш знак. Больше о нем мы ничего не знаем. Начнем наш поиск с Дакара. Возможно это один из туристов. Но не исключено, что он поедет дальше в глубь страны, потому что он может быть кем угодно, хоть рабочим, хоть ученым. Проверьте все отели, приглядитесь к русским на рынке, они любят посещать его. Ищите всеми известными вам методами. И чем скорее вы найдете его, тем лучше, – сказал Моамба.

– Знак на плече и надпись ближе к запястью, уточнила Клара. Но она закрыта часами. Я опишу вам его внешность, – обратилась она к Александру.

Этот русский все время вызывал меня на разговор. Может быть, это все не просто? – спросила Клара. А его собеседник, что-то сказал ему, посмотрев на меня. Что если они ищут наши реликвии? – спросила она деда. Получается, они следили за мной в Москве?

– Зачем же они действуют так неоднозначно? Открывают свои намерения и не входят в контакт. Это не логично и похоже на случайность, – сказал Пьер, пришедший в сад и уже несколько минут слушавший этот рассказ.

– А может быть наоборот, они не знали, что сидят с представителем клана Вуду? – подумала вслух Летисия. Может быть не они, а ты случайно наткнулась на них, благодаря духам. Наверное, они хотели предупредить нас о появлении этих людей рядом с нами?

– Главное для нас сейчас найти этого русского. Если мы столкнулись с ним один раз, я думаю, что это будет и во второй. И тогда мы будем делать выводы, что ему здесь нужно. Наш знак не может быть случайной отметкой. Тем более, что и место татуировки совпадает с принятым у нас, – дед завернул рукав и посмотрел на свой знак. Но мы носим длинный рукав, чтобы скрыть этот знак от посторонних. Зачем же он лишь слегка прикрыл его? Может быть, чтобы посмотреть, как ты прореагируешь? И надпись, он почему-то не совместил ее с рисунком? Странно, все очень странно и не логично.

– Но откуда он знает меня, и откуда он узнал о моем полете? Он не мог знать, что я буду лететь в этом самолете. Я купила билет в аэропорту, – сказала Клара.

А если у него есть возможность получать информацию? – возразил дед.

В любом случае, мы столкнемся с ним. Мир не так велик! Или по его желанию, или по нашему. И возможно, это будет для нас очень нужной встречей, – многозначительно сказал он.

* * *

На следующее утро Виктор на автобусе, пришедшим за рабочими, прибыл в офис, и зарегистрировался. Заполнив несколько бумаг, он направился к своему шефу, водителем которого он и прибыл работать.

– Привет Виктор, ну как устроился? – спросил он. Заметил, я тебе номер получше добыл. У других один на двоих, а у тебя апартаменты личные. Как там наши?

– Да все нормально, привет вам прислали, а Николай еще вот этот пакет просил передать.

– О, огурчики и черный хлебушек, и селедочка! Отлично. Не забывают, молодцы. Ну ладно, – сказал шеф, укладывая пакет в холодильник, спускайся в гараж, прими автомобиль, посмотри, чтобы был в порядке, съезди на заправку и назад. Придешь, доложишь. А уж потом видно будет. Возьми карту. У старого водителя все это было. И карта города, и карта окрестностей. Посмотри и привыкай. Я тебе первое время, конечно, подскажу куда ехать. Не так страшен черт, как его малюют, так что не бойся заранее. Ну, давай, а то мне сейчас проект принесут.

– Пошел, Александр Николаевич, – сказал Виктор и направился к гаражу.

Там его ждал зеленый Ситроен. Хороша машинка, подумал Виктор. И проверив состояние рабочей системы, и посмотрев на колеса, он сел в нее и с осторожностью тронулся к бензозаправке, представляя, как он смотрится со стороны. И в его представлении это выглядело так шикарно, как в каком-нибудь боевике про Майями.

* * *

Вечером после работы, Виктор взбодрился в душе, и пошел прогуляться по ночному городу. Он выбрал ориентиры, кафе, рынок, голова мечети и довольно большая улица. Вечерний город сверкал витринами, огнями реклам, над сиреневыми фонарями кружились бабочки, прилетевшие на свет, и множество пар, прогуливалось по зеленому тротуару. Казалось их было сейчас даже больше чем днем, просто эта толпа из суетящейся, превратилась в умиротворенную. Из кафе доносилась музыка и Виктор завидовал сидящим там людям. Он еще боялся зайти туда и заказать что-либо, и посидеть вот так просто за стаканчиком местного пива, или еще лучше за такой же огромной тарелкой с ужином, как вон у той пары. Виктор сглотнул слюну и понял, что если сейчас он не съест заваренный пакет вермишели, то упадет в голодный обморок.

– Буду экономить, а еще, нужно поинтересоваться ценами и недорогим кафе, – подумал он, направляясь к отелю.

– Виктор, – услышал он знакомый голос. Первая прогулка?

Виктор увидел соседа по самолету Ивана, который, похлопав его по плечу, спросил, – Ты уже чего-нибудь схватил?

– Да нет, вот хотел пойти в номер и чего-нибудь перекусить..., – ответил Виктор, обрадовавшийся встрече.

– А я заходил к тебе в номер, но ты уже ушел. Повезло тебе с одноместным. Ладно, сейчас пойдем в одно место, я угощаю, не бойся. Там нормально и не дорого.

– Да! – обрадовался Виктор такому развитию событий, – я тебе потом отдам. Пока что мало денег поменял, боюсь тратить.

– Салам Алейкум, – сказал Иван входя в симпатичное кафе, и показывая, чтобы Виктор тоже сказал приветствие.

– Алейкум Салам, – ответил официант и улыбаясь, жестом проводил их к столику.

– Нам по пиву, и по рыбе с овощами и рисом, – подчеркнул он последнее слово.

– Одну минутку мошь Иван, – сказал официант, и Виктор в предвкушении откинулся на спинку стула.

– А говорил, теплая вода, песок, работа до чертиков, а сам по всему видно здесь бывает частенько. Вон его имя даже знают, – заметил Виктор в душе.

– Здесь не дорого, а порции большие. Я хозяину и обслуживаю сувениров вожу, вот они меня и уважают. Ты смотри, здесь другие обычаи, я тебе потом расскажу, чтобы ты не попался, – сказал Иван, отхлебывая пиво.

Огромные тарелки с дымящейся рыбой уложенной скорее фруктами, чем овощами были поданы.

– Ты попробуй, какой соус! Из баобаба делают. В Москве разве такого поешь? А рыбка – голубой мерлин, вкусна зараза! Я тебя потом на рыбалку свожу. Рыбину поймал, отдадим хозяину, потом бесплатно кормить будут. Ну конечно нужно знать меру, – говорил Иван, уплетая за обе щеки ужин. Ты им главное всем подряд Салам Алейкум говори. Даже если несколько раз в день, даже если никого не знаешь. Так за приличного и сойдешь.

Глава восьмая

Виктор и не заметил, как пролетела неделя, потом другая, и он потерял счет дням, прожитым в другой стране. С шефом Виктору повезло, это был нормальный, веселый мужчина, лет на десять старше Виктора, без предрассудков и снобизма. К тому же они имели общих знакомых, что делало положение Виктора гораздо выгоднее. В панибратство, правда, их отношения не переросли, и шеф, все же, соблюдал дистанцию, но поблажки Виктору делал.

Рабочий день у Виктора был не нормированный, и обязанности тоже. Но зато он имел возможность колесить по городу и по окрестностям, очень часто один, и в такие минуты, он завидовал сам себе, глядя на самого же себя со стороны.

– А кто знает, что он просто водитель? Этого нигде не написано, – думал Виктор и представлял себя владельцем этой прекрасной машины, и снисходительно глядя на прохожих, несших в руках корзины с овощами, или спешащими по делам своими ногами. Он то мог передвигаться на автомобиле, и какая-нибудь хорошенькая негрityночка думала, что у него в дополнение к этому автомобилю есть и особняк с бассейном, и банковский счет, где-нибудь в Париже? Виктор всячески поддерживал эти их предположения и не выходя из роли, мило улыбался в открытое окно своего Ситроена на переходе, проходящим девушкам. Они тоже посылали ему свои улыбки, не теряя гордой и независимой осанки, одними глазами, как могли делать только здешние красавицы. И на душе у Виктора было превосходно. Он ехал по городу и посматривал на прохожих из окна автомобиля как успешный человек, он и одеваться старался более эффектно. Ему нравилось выглядеть респектабельно, и майку с джинсами он одевал редко, только после работы. Он так привык к своему автомобилю, что считал его больше своим, чем принадлежащим шефу.

Прямо сказать работа была очень даже сносной. Виктор научился довольствоваться промежутками времени, между необходимостью работать на шефа и выжимал из них все. А по сему на пляж он мог съездить и среди дня, он мог посетить рынок, мог прогуляться по дорожкам парка и постоять у фонтана, он мог подолгу наблюдать за жизнью города. У других для этого был только вечер и выходные дни.

Зато, у Виктора таких выходных, было не так уж много. И если ему выпадало потратить на себя побольше времени, чем короткие промежутки между заданиями шефа, он отправлялся гулять по городу с Иваном, который здесь стал его другом.

Были моменты, когда Виктору приходилось изнывать на жаре около машины и ждать, когда шеф закончит свои дела. Но и из этого положения был выход. Ведь это был город! Хорошо, когда рядом было кафе и возможность посидеть рядом с автомобилем и охладиться парочкой стаканов лимонада, посмотреть телевизор и может быть даже купить лотерейный билет и проверить свое счастье. Эти минуты он любил. Это был балдеж. Дороги здесь были хорошие и сервис тоже. Поэтому жаловаться на жизнь Виктору было бы грешно.

– Счастливчик, мотаешься по городу, чего только не видишь, – сказал ему Иван, зайдя вечером в его номер. А мы только и видим объект, да кровать. И номерок у тебя что надо! – Иван блаженно растянулся на диване, посасывая сок из бутылки. Небось с шефом и по океанам и по пляжам?

– Да что ты! Только и делаю, что с ним по делам мотаюсь. Он на переговоры, а я жди, он в ресторан, а я такого себе позволить не могу, жду. А на объекте? Пока он там все обойдет, да со всеми переговорит, я должен около машины стоять. Думаешь не тошно? Это же не моя машина. Эх, если бы на денек в мое распоряжение, мы бы с тобой и на рыбалку съездили, тут такая рыба ловится по пятнадцать килограммов! И места интересные посмотрели бы,

и на пляже повалялись. А так, только глазом кинешь на какой-нибудь памятник старины, и мимо. Ему то здесь уж все осточертело! Сытый, голодного не разумеет, это точно!

– Ладно, жди местных религиозных праздников. У них паломничество намечается, в такие дни никто не работает, и наша стройка тоже. Вот может тогда, и съездим куда-нибудь, может на розовое озеро, слышал про него?

– Слышал, там говорят много марганцовки?

– Ну да, а красотища, представляешь, малиновая вода и берег на солнце малиновыми огнями сверкает. Фотоаппарат готовь. Я здесь столько снимков сделал, даже некоторые в Интернете разместил, экзотика! У них здесь и фестивали бывают, а как начнут паломники идти, это тоже необычно, или ралли своими глазами увидишь, а в прошлом году я заснял нашествие саранчи! Снимочки редкие! У меня дома целый альбом. Жалко, что везде не поездишь. Тут же и зверья полно, и крокодилов и обезьян! Мангровые заросли! И вообще, представляешь сюда семью на месячишко! Вот бы пацаны породовались! У тебя кто?

– Сын и дочка, – ответил Виктор. Дочка просила марки на конверты наклеивать красивые.

– Во, точно! А я про это не подумал. Фигурок всяких и сувениров навез, а про марки забыл! Ты купи мне тоже, когда своей будешь покупать, а то вечером почта уже не работает, ладно?

– Ладно, – махнул головой Виктор.

– А вообще-то я у тебя хотел кое-что попросить, – сказал Иван. Я тут с горничной познакомился, хороша, двадцать два года! Шоколадка! – Иван замялся. Ну, ты понимаешь, она согласна, а я, так просто спать не могу, как ее вспоминаю. Фигурка! Грудь! Ножки! Разве в Москве, такую увидишь? Может, ты погуляешь завтра подольше? Ну, выручай!

– Хорошо, – сказал Виктор, соображая какие неприятности могут выйти из этой просьбы. Вроде никаких! Он не рассчитал, что такие просьбы последуют не один раз, а потом превратятся в повинность. Иван уже привычно не просил, а просто сообщал Виктору о своих свиданиях. И Виктор шел в ближайшее кафе и сидел там, слушая музыку, посасывая сок, и усмехаясь, вспоминая благие речи Ивана в самолете.

– Вот трепло! Меня предостерегал, а сам!

Виктор пока держался, но грешные мысли начали проникать и в его голову.

* * *

Прошло еще несколько месяцев. Виктор не чувствовал себя здесь уж совсем чужим. Он стал немного своим для этого города и этих людей, которые окружали его. Ему было приятно, что все здороваются с ним, узнают и улыбаются. Ему нравилось, что теперь у него были свои средства, и он уже свободно мог ими распоряжаться и поход в местную столовую, где они первый раз ужинали с Иваном, уже не казался ему верхом счастья. Он упивался возможностью разговаривать на французском, который из школьных его познаний превратился в довольно сносный разговорный. Он легко объяснялся на заправке, в отеле и на улице. Он гордился этой возможностью и проникся к французской музыке, которая здесь звучала с избытком, и просто влюбился в музыку Сенегала, с ее неповторимыми ритмами и совершенно новыми музыкальными темами.

Как то раз с шефом он посетил местную деревню, где увидел настоящий деревенский праздник и музыка барабанов привела его в мистическое состояние. Он не мог оторваться от этой, казалось монотонной музыки, и слушал и слушал незамысловатые повторяющиеся удары, и не мог понять за счет чего он вошел в восторг. Виктор готов был не уходить из этого прекрасного места с огромным баобабом в середине деревни и хижинами с крышами из пальмовых листьев, если бы это было возможно. Но это была маленькая туристическая

экскурсия, и группа, к которой присоединились они, садилась на автобус. К тому же завтра нужно было снова заниматься делами.

– Чего они так на тебя смотрят? – спросил его шеф, незаметно, показывая на обитателей этой деревни. Он замолчал, потому что к ним шел вождь.

– Вы русский туриста? – спросил он их, улыбаясь.

– Да! – ответил Виктор, напрягая театрально мышцы.

– О, русский мужчин хороший солдат! Крепкий! Вождь потрогал бицепсы Виктора, немного задев рукав майки. Почти как мои воины! – засмеялся он. Только белый.

– Откуда вы знаете наш язык? – удивился Александр Николаевич.

– Я учился в Ленинграде, – весело сказал вождь. Это же специальное представление для туристов. Это мой второй заработок.

– Я тоже Ленинградец, – расплылся в улыбке шеф.

– О! Подождите секунду, я хочу подарить вам сувенир, – сказал вождь, вернувшись с подарками.

– Возьмите тоже, – сказал Виктор и протянул вождю руку с часами.

Вождь на минуту остолбенел, и Виктор принял это за удивление такому хорошему подарку. Затем он протянул им обоим по талисману из черного дерева.

Он повесил талисман на шею шефа, а перед Виктором склонил голову, протягивая талисман и взяв его руки, положил их себе на голову.

Виктор не знал, что ему делать. Он решил, что должен был повторить такой же жест и, взяв, руки хозяина возложил их на свою голову.

Моамба, Моамба! – закричали жители. А старик обнял Виктора, и вернувшись назад, к группе крестьян, долго махал им рукой вслед.

– Ну и чудеса! – проговорил шеф, как только они отъехали. Это чтобы могло обозначать? Здесь к чужой голове нельзя притрагиваться, я просто остолбенел, когда ты полез руками к ней. Ну, думал, сейчас нас копьями зашвыряют. Обычай дело такое! Но я так и не понял...

– Я тоже, – сказал Виктор. Просто не знал чего мне делать и сделал также. Сошло!

– Сошло! – покачал головой шеф. Что-то в тебе, наверное, есть? Может быть, потому, что ты такой же кудрявый как они? – пошутил он.

– Наверное, бабушка согрешила, – поддакнул Виктор. Или часы мои ему понравились!

* * *

Кроме достопримечательностей и магазинов, Виктор, доставляя шефа на обед или ужин, потихоньку изучил и местные ресторанчики, выделив из них, приемлемые для своего кармана. В общем-то, ему было не для кого копить каждый евро, в отличие от Ивана.

– Мог бы купить своей две кофточки, – говорил тот, истратив деньги на их очередной вылазке. С другой стороны, один раз живем, а ей всегда мало, – успокаивал он свою семейную совесть.

И, в конце концов, они тоже вошли во вкус прекрасной кухни, благо дело, что такие походы были не частые.

Многие лица стали ему знакомы, и в его голове вдруг возникло чувство, что он и раньше был здесь, и что видел эти места и этих людей.

– Все спуталось в голове? – думал он, прошлое и настоящее, потому что смешались географические точки, потому что информация наложилась на информацию. Наверное, так.

– Ты, как всегда мудр, – польстил ему его внутренний голос.

* * *

Однажды, вечером, сидя в машине около торгового представительства, куда он привез шефа на прием, Виктор скучал и разглядывал гостей. Он вздрогнул, и сердце его забилося гораздо чаще, потому что ему показалось, что из автомобиля, остановившегося, метрах в пятидесяти от него, вышла та самая негритянка из самолета. Она была одета в белый шелковый наряд, из полупрозрачного и видно очень тонкого шелка, отстроченный нежным серебряным рисунком, с наплывами в два слоя вдоль тела. На голове был намотан тюрбан из той же материи. Сквозь разрез была видна ножка в красивой туфельке. А фигура очень легко проглядывала своей стройностью сквозь эти струящиеся линии. Она напоминала луну на фоне черной южной ночи. Виктор угадал и красивую спину, и круглую попку, и изящные руки с браслетами. Женщина, как будто кого-то хотела увидеть, но не показывала это явно. Лишь незаметный какой-то королевский поворот головы и улыбка, предназначенная красивому и рослому негру, шедшему с ней под руку. Виктор заметил, что мужчина тоже приглядывался к окружению и автомобилям, и их глаза встретились.

В таком наряде она смотрится как черная богиня! Но этот наряд и головной убор, делали эту женщину лишь отдаленно похожей на ту в самолете, хотя ощущения от ее облика, были те же. Любопытство, желание смотреть и смотреть. Виктор не понимал, почему образ той женщины стал для него таким заманчивым.

Возможно, в дверь вошла совсем другая дама, но почему он вспомнил и представил именно ту? Он ее и не видел толком, и не может даже вспомнить, если бы захотел нарисовать ее лицо. Но, увидев, что-то подобное, в голове его сразу всплыл именно ее образ! – размышлял Виктор.

Он не замечал за собой раньше тяги к экзотике. Ему скорее нравились блондинки, их нежная кожа, их розовый румянец на щеках, и непременно ямочка при улыбке. Может быть, и к Тамаре он не питал страсти, потому что она была брюнетка, и он всю жизнь сравнивал ее с женами друзей, и всегда считал, что она выглядит гораздо хуже них. Теперь он видел красоту в этой черной женщине, у которой были не только черные волосы, но черная кожа. Мало того в своих фантазиях он испытывал дикий интерес к подробностям ее лица и тела, он вожделел ее. И только сейчас понял смысл этого слова. Он даже и не заметил, что образ Вали куда-то ушел и потускнел, может быть, просто спрятался, где-то в глубине сердца. Увидев сейчас эту женщину, он вдруг почувствовал красивую мелодию, фантастический аромат, или даже какое то другое ощущение, соединяющее эти два понятия вместе. Он понял, что оно уже присутствовало в нем слабой, но настойчивой ноткой, еще с самолета, и именно по ней он и узнал в этой даме, ту.

– А! – пришла к Виктору мысль. Он быстро открыл бардачок и достал фотоаппарат. Но пока он примеривался, красавица уже стояла к нему спиной и ближе к двери. Он щелкнул, и вспышка, зашипев, озарила на секунду окно его кабины.

Он увидел, как обернулся мужчина, и пристально посмотрев на его автомобиль, быстро пропустил женщину в дверь и исчез там вместе с ней.

– Вот так всегда, когда что-нибудь интересное, не успеваешь среагировать вовремя, – подумал Виктор. И темновато, вдруг не выйдет. А жаль! На пленке было еще много кадров и Виктор решил побыстрее, использовать ее, чтобы поскорее иметь хоть одну фотографию красавицы. А если удастся сфотографировать ее при выходе.

– Ты не осторожен, – прошептал ему внутренний голос. Это тебе не москвичка, а дама из другой страны, и вероятно очень богатая. А такие дамы могут и привлечь, за использование их внешности...

– А, может быть, я папарацци! – съюморил Виктор, в душе понимая, что действовал не очень тактично.

Шеф уехал с вечера раньше той пары, и Виктор уже мечтал распечатать, хотя бы тот нечеткий ночной снимок. Он у него был единственным напоминанием об этой женщине. Остальное бы сделала фантазия

* * *

Ночью, он лежал с закрытыми глазами и мечтал и представлял себя рядом с ней, с этой африканской феей.

Он представлял себя на приеме, с бокалом шампанского, в группе респектабельных гостей. Сидя в мягком кресле, он вел светскую беседу с некоторыми из них, и потом спокойно, скукаясь выходил в зал, где звучала музыка. Он подходил к ней, со спины, уже обнимая глазами ее округлые формы, уже мечтая обнять ее. Она поворачивалась к нему, и ее глаза сверкали страстью. Он брал ее под руку и шел на середину зала.

Музыка звучала медленная, с сексуальными порывами саксофона, и они танцевали, забыв обо всем. Ее грудь прижималась увлекаемая его сильной рукой к его груди. Он чувствовал запах ее тонких духов. Он ощущал ее ногу, в туфельке, которая приближалась к нему во время поворотов танца. Он ощущал ток желания, опутывающего их двоих нежной паутиной, от которой, уже нет сил вырваться, и которая при такой попытке, только усиливает свое влияние.

– Хватит, испугался Виктор, потому что настолько вошел в свои мечты, что уже готов был в них идти с ней в номер отеля и предаться наслаждению. Я что, настолько оголодал? – подумал он. А ведь это только начало. Всего то полгода здесь! Еще год, без женщины, с такими соблазнами на глазах! И от этой пищи местной или от солнца, уж слишком желания настойчивые, дома и больше держался и не страдал особенно. Или страдал?

– Был бы объект, страдал бы! Все дело в нем, – провещал внутренний голос. Я уж давно тебе хотел сказать об этом. Не раздувай губу и забудь ты эту даму, а то такого себе нафантазируешь, как говорится мечты, мечты, а после вас...!

* * *

– Это был он, – сказала Клара, наблюдая за машиной из окна особняка. Как он узнал, что мы будем здесь?

– Значит, его миссия имеет цель, – проговорил задумчиво Пьер. Слишком часто ты встречаешься с ним. И неизвестно сколько раз ты не обратила на него внимание? Нет, не случайно он сидел рядом с тобой в самолете. Сколько раз он фотографировал тебя? Зачем? Если бы не знак, я бы подумал, что он просто нахальный папарацци. Но знак!

Я думаю, он не заметил, что мы обнаружили его? Нам нужно быть хитрее!

– По всей видимости, нет! – сказала Клара. Он ведет себя очень естественно. Я думаю, что он ничего не понял.

* * *

– Нам необходимо иметь эту пленку, – сказал Моамба, когда Пьер и Клара вернулись с вечера. Просмотрев кадры, мы сможем судить о цели его поездки. Я же говорил, что мы столкнемся с ним еще раз. Но как получается, на сей раз, по его желанию...

– Пригласите ко мне Александра, – попросил он.

– Ну как продвигаются поиски? – спросил он его.

– Мы обнаружили его. Русский был в поселке, который показывают туристам, но вождь не смог узнать его местопребывание, потому что его не оказалось в списках туристических групп. Вероятно, он здесь работает, а к группе пристал случайно. Кстати, с ним был еще один мужчина, постарше. Мы проверили отели, расселяющие рабочих. В этот день приехало много людей для работы в строительной фирме. Но по описаниям было трудно, предположить, кто из них он. Обслуга отеля путалась в своих догадках. Они все ходят в майках с рукавом, и знак сложно увидеть. Горничная наш человек, вошла в контакт с одним из рабочих, и через нее мы узнали больше. Одновременно к нам пришло сообщение от владельца ресторана, русский часто бывает там. Только вчера владелец сообщил нам о месте его проживания. Он остановился в отеле Вирджиния. Я уже хотел сообщить вам об этом, но решил сначала уточнить все сам. Я должен был удостовериться, что они не ошиблись.

– Хорошо! – сказал Моамба. Но пока вы искали его, русский пользовался вашей нераспорочностью. Он собирает какую-то информацию. В его фотоаппарате находится ценная пленка. Завтра же найдите способ изъять ее у него. Проявите, распечатайте и срочно покажите фотографии мне. Хотя нет! Не нужно вызывать ненужных подозрений. Игра только началась. Дождитесь, пока он принесет ее на проявку и сделайте дубликат. До того, как я просмотрю ее, он не должен получить ее назад, под любым предлогом. Если он будет медлить с проявкой, идите на любые доступные меры. Хоть украдите ее, вместе с фотоаппаратом!

– Слушаюсь господин, – ответил Александр и скрылся за дверью.

* * *

– Виктор, собирайся, сегодня владелец ресторанчика приглашает нас на вечер, – сказал, зайдя к нему, Иван.

– Как это? – удивился Виктор.

– Его дочка вышла замуж за русского в Санкт–Петербурге. Хочет всех русских угостить по этому поводу. Бесплатно! Наши уже там. Давай, давай. Такое не каждый раз бывает. Они знаешь, как свадьбы справляют!

– Так завтра же на работу, мне пить нельзя! – попытался возразить Виктор, совершенно не желавший сегодня куда-то выходить.

– Да кто тебя пить то заставляет? Мусульмане не пьют. Они едят. Попробуешь курицу в кокосе! Пробовал? Нет! Фотоаппарат возьми. В Москве такого не увидишь!

– Ну ладно, сказал Виктор. Сегодня чуть снимков не лишился. Горничная хотела его протереть, еще одна секунда и пленка засветилась бы.

– Давно пора покупать цифровой, – сказал Иван. Это же уже пережиток, пленки. И нечего технику по номеру раскидывать.

– Да я, как – то привык, – сказал Виктор, натягивая на себя брюки. А потом, до этого такого не было, а эта новенькая. Наверное, в первые дни хотела из себя, уж очень, деловую показать. Перестаралась. Но это был бы кошмар, у меня там такие редкие снимки и все засветила бы. И что с нее возьмешь потом? Хоть убивай снимки не вернуть.

– Вот я и говорю, купи цифровой, не пожалеешь. Ну готов? – спросил Иван и встал с кресла, подходя к двери.

* * *

В Ресторане играла местная ритмичная музыка, и Виктор сразу отбросил все свои опасения, как только к ним навстречу вышел хозяин.

– Салам алейкум, проходите. Вы наши самые дорогие гости. Дочка замуж вышла, теперь мы почти родные с русскими, теперь у нас будет внук русский, как ваш Пушкин! А?! – сказал он смеясь.

– Да, да, – отвечивал Иван жест двух рук над головой. Сенегал-Россия-дружба!

Вокруг лилась музыка и стояли огромные казаны с птицей, рисом и всевозможными соусами и овощами.

– Спасибо, – сказал Виктор, посидев за столом полчаса и отведав некоторые блюда. Нам пора. Желаем огромного счастья вашей дочери, и много красивых и здоровых детей. Он протянул руку хозяину и увидел, как у того изменилось лицо, на мгновение при пожатии.

– Чего-то он так побелел? – спросил Иван.

– Да кто ж его знает? Может быть, нужно было подарки принести, а мы так отсидели? Что-то сделали не так! Здесь голову ребенку погладить нельзя, сразу в панику входят. Может руку жать запрещено? Или желать здоровых и красивых детей? Может, они считают, что по-другому и быть не должно, и я их оскорбил.

– Здесь еще и ноги как-то выворачивать нужно, я читал, но обходилось, не выворачивал. Может на семейном празднике по-другому? – сказал Иван. Посчитал, что мы его обидели?

Немного озадаченные, они ушли из ресторана, и не заметили, как хозяин смотрел им вслед через окошко.

На улице был уже поздний вечер, и до отеля оставалось пройти двести метров после поворота, как вдруг, кто-то толкнул Виктора и скрылся за углом.

От толчка, Виктор пошатнулся и не сразу понял, что произошло.

– Фотоаппарат! – воскликнул он. Вот гад, фотоаппарат!

Он бросился за убежавшим, а за ним поспешил Иван. Виктор не увидел, что попалось ему под ногу, потому что его вдруг так крутануло, что он, совершив оборот в сто восемьдесят градусов, упал, шарахнувшись головой об угол цветочницы.

Иван подбежал в ту же минуту и, остановившись около Виктора, увидел, что из его головы течет кровь.

– Ну ты как, живой? – спросил он взволновано. Господи, я здесь уже второй раз, и ни разу с таким не встречался. Да и что им в старом аппарате? Сейчас позвоним в полицию.

– Да не надо. Плевать. Сейчас очухаюсь, сказал Виктор. Видно аппарат такой несчастливый. В прошлый раз пленку загубил, стал проявлять, и она у меня перегрелась. Потом горничная, а теперь и вовсе увели. Наверное, это знак, – Купи себе новый! Ведь в жизни ничего просто так не происходит, – сказал Виктор, стараясь выглядеть веселым.

Они пришли в отель, и Иван попросил свою знакомую горничную принести бинт и йод.

– Звони шефу, спроси, что делать? – попросил Виктор. Заявлять или нет? С этой страховкой тоже набегаешься. И опять же, скажут, – где были, почему ночью по городу гуляли? Кто их знает, что предъявят нам. Ведь очевидцев не найдешь, и того жулика тоже.

– Чует мое сердце, это штучки хозяина, – сказал Иван. То-то он так странно себя вел.

– Да брось ты, зачем богатому человеку покрывать воришек. Мальчишка бедный какой-нибудь! Вот и все! Ладно, бывает и хуже, – сказал Виктор, почувствовав себя лучше. Может молчать, сказать, что сам случайно ногу подвернул и упал?

– Ну, как хочешь, может быть, ты и прав. Но в этот ресторан я больше не ходок. И по вечерам пока больше ходить не буду, – сказал Иван. Скоро домой, чего уж нарываться на неприятности!

* * *

Утром, уходя на работу, Виктор постарался пройти другим переулком, и смешаться с толпой, но не попадаться больше на глаза хозяину. Голова ныла, и немного тошнило.

– Долг красен платежом, – думал он, и их пиршество за счет хозяина и его многозначительное прощание неприятным осадком легло на душу Виктора. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке. А может быть, она каким то образом уже захлопнулась? Вот будет номер! Зачем ему было приглашать столько русских? Даже если дочка замуж вышла, такие траты! Логичнее было сделать праздник для своих, а не для незнакомых рабочих. И как он узнал, что мы все здесь живем? Хотя слухи расходятся быстро. Нет, здесь что-то не то.

* * *

– Это где тебя так угораздило? – спросил шеф Виктора, увидев на его голове ссадину.

– Александр Николаевич. Случайно нога подвернулась. Головой шарахнулся. Но не очень сильно, – выдавил из себя Виктор. У меня как на собаке!

– Завтра уезжаем, сказал Александр Николаевич. У меня появились дела в Москве. А тебе уж при таком раскладе, тем более, лучше в постели поваляться. Так что едешь тоже! Без меня тебе здесь шататься нечего. И родных навестишь. А потом я тебя вызову. И лучше подлечись дома. Голова это не шутки. Да вот к морю съезди, у меня сестра в Сочи главный врач в санатории. Я ей позвоню, как в Москву доберемся. Она тебе номер для служащих подберет. Пользуйся, пока я жив. Потом снова здесь стройку доканчивать. Думаю, еще на год работы хватит.

Утром, собирая вещи и проверяя документы, Виктор услышал стук в дверь.

– Мосье Виктор, вас в холе ожидает господин Абу – Али, – сказала горничная.

– Хозяин ресторана! – удивился Виктор. Я сейчас.

– Мосье Виктор, я слышал, у вас вчера были неприятности. Мои люди поймали мальчишку, у него был ваш фотоаппарат. Возьмите, – протянул он его.

– Спасибо, – только удивился Виктор.

– На нашей улице это большая редкость, обычно у нас все спокойно. Мальчишка сделал это на спор. Мы его наказали. Просим не заявлять в полицию, ведь вещь найдена. Это сын нашего старого служащего, прекрасный человек, не хотелось бы осложнять ему жизнь, – проговорил просительно Абу-Али.

– Я не заявлял, – сказал Виктор. Да и пропажа не очень дорогая. Жалко только пленки.

– Пленка на месте, – сказал Абу-Али. И чтобы совсем исчерпать этот инцидент, прошу вас заходить ко мне в ресторан, когда захотите. Я буду кормить вас бесплатно, не беспокойтесь. Для меня это большая честь.

– Я сегодня улетаю, – сказал Виктор, и заметил, как вздрогнул от его сообщения Абу-Али.

– Так вы покидаете нашу страну насовсем, – огорчился он.

– Нет, только на месяц, – ответил Виктор.

– Прекрасно, тогда жду вас, как только вы приедете к нам снова.

– Что вам привезти из Москвы? – спросил Виктор.

– Матрешку, – засмеялся Абу-Али.

* * *

– В самолете, он летел рядом с двумя неграми, один из которых был уже седой.

– Откуда у вас эти символы? – спросил старший Виктор, после того, как в полете уже прошло часа два.

– Да так, срисовал их с одного места, – ответил Виктор. Еще в Армии.

Здесь символы древнего африканского племени. Жаль, со мной нет книги, можно было бы прочесть смысл. Но если захотите узнать, то вот вам моя визитка.

– Спасибо, поблагодарил Виктор, не придавая этим словам значения. Вскоре принесли обед, и Виктор с удовольствием отдался ему.

Потом Виктор перебирал в уме купленные подарки, и жалел, что не купил еще побольше, потому что вспоминал еще одного родственника, мимо которого пройти будет невозможно. Потом мысли его перешли к детям и Тамаре, и быстро перебежали к Николаю и Валентине.

Он представлял, как удивится его приезду Колян, как они сядут с ним за бутылочкой кокосовой, и как Валечка приготовит им блюдо, на которое он вез рецепт. Виктор и специи захватил для этой цели, он уже предвкушал их вечер на африканскую тему.

– Валечка! – Виктор вспомнил ее милую фигурку, ее тихий и успокаивающий голос, мысли его побежали дальше к запретным темам и местам. Стоп, – остановил он себя. Спокойно! Она жена твоего друга. Не возлюби! Найдешь другую. Главное остаться с чистой совестью. А потом, ты же по-моему уже поменял приоритеты?

– Дама в белом? – спросил Виктор, скорее утвердительно. Но это все фантазии, а Валя своя и так рядом.

– Тогда подумай лучше о жене, – дал совет внутренний голос. Может быть, плюнуть на всю эту свободу, и вернуться к ним? Теперь она на тебя по-другому смотреть будет. Глядишь, и пойдет все как надо! А Валя, все равно только соседка! Выше головы не прыгнешь, приятель!

Виктор вызвал в душе образ жены, потом Вали и отметил, что образ жены уступает по силе яркости желания видеть Валу.

– Нет, сейчас не хочу, – подумал он. Может быть потом.

К тому же он увидел на табло команду готовиться к посадке. Самолет снова доставлял его в Москву.

Глава девятая

Виктор приготовился к выходу из самолета. Аэродром Шереметьево встречал его за стеклом иллюминаторов мелким дождем октября. И под ноги его ложились желтые листья кленов, которые были повсюду. Они плавали в лужах, лежали на газонах, и какое-то приятно щемящее чувство охватило Виктора, когда он, выйдя из такси, пошел к своему дому по вечернему городу, под морозящим дождем и ароматом осени.

– Если бы не чемоданы, прогуляться бы по этой вечерней улице, прямо сейчас, посмотреть на светящиеся окна домов, на автобусы, проезжающие мимо с такими уютными огоньками, наглядеться на это сумрачное небо с черными облаками, на прохожих, на этих чудаков с собаками, мокнущими под дождем по необходимости, – подумал Виктор с сентиментальным чувством отмечая все новые краски в своих ощущениях России, Москвы, своей улицы. Сейчас он ощущал Москву гораздо острее, чем раньше, когда жил в ней день за днем, день за днем. Тогда все казалось будничным, обычным. Лужи раздражали, осенняя слякоть и брызги от колес проезжающих машин выводили из себя! А теперь через год, после пальм и кактусов, так странно было смотреть на золотые тополя и клены, зеленые газоны, и другие, совсем другие улицы.

Даже вечер здесь был другой и облака и дождь. Это был родной город, который принимал его не только сегодняшним, осенним очарованием, а окутывал его всей его памятью, всеми милыми воспоминаниями, которые может и не возникали полностью в голове Виктора, но клали на его душу оттенки незаметно накопленных за всю жизнь восторгов.

* * *

Виктор поставил чемоданы и посмотрел еще раз на знакомую аллею из тополей, ему показалось, что в ней появилась какая-то фигурка. Она шла, размытая в осеннем тумане, в этой вечерней дымке из капель дождя и испарений земли, и в душе у него вдруг возникло неясное чувство, что он уже видел и чувствовал так, как сейчас. Он всматривался в эту романтическую картину и, через несколько секунд уже различал фигурку женщины в кожаном пальто и букетом осенних листьев.

– Валечка! Надо же, первая, кого я увидел, это ты! – пронеслось в голове у Виктора и сердце его учащенно забило. Он думал, что забыл эти милые черты, забыл эти свои желания, а оказалось, что только очертания ее фигурки вдруг молниеносно ввели его в такое волнение.

Он думал, что сказать ей, как поприветствовать ее, чтобы не выдать своих чувств уж совсем. Потому что даже кровь отхлынула от его лица, при виде ее.

– Виктор! – удивилась Валя. Ты вернулся! Почему же ты не написал, я бы пирожков испекла...

– Валюшка, – Виктор рванулся поцеловать ее в щеку. Ну, как вы тут. Как Колян? А я и сам не знал, что меня отпустят на две недельки, Все внезапно получилось. Как я соскучился по Москве, по вас с Колькой!

Тут Виктор заметил, что увлекся восторгами, и Валечка, почему-то не разделяет его радости. Она стояла и смотрела, как Виктор бормотал о том, о сем и глаза ее были печальны.

– Коли нет. Он умер. – сказала она упавшим голосом, и опустив глаза, как только Виктор перестал говорить.

– Как умер! – Виктор, как будто врезался в столб на скорости, так поразили его слова Валечки. Не может такого быть, чтобы Коляна не было в этой жизни.

– Пойдем в дом, я тебя сейчас накормлю, ты же с дороги. И поговорим, – сказала Валя, нажимая кнопку лифта.

* * *

Она сидела такая доступная в своем халатике, когда они пили чай на ее кухне. За окном моросил дождь, а в доме было тепло, уютно и безопасно. Виктор не чувствовал усталости от полета, от длинной дороги, от тяжести чемоданов, новая ситуация, настолько вывела его из сентиментального состояния, что он не мог думать ни о чем, кроме этого.

Они сидели рядом, и Виктор старался найти слова, которые могли бы успокоить Валию. Но понимал, что сейчас это сделать было не возможно. Виктор не видел Николая мертвым, и у него сохранялось чувство, что как только он ляжет в своей комнате, на диван, дверь откроется. И Николай придет к нему посмотреть футбольный матч, и по-тихому опрокинуть рюмочку под это дело. Он не мог осознать, что все что случилось, правда.

Они еще долго говорили и вспоминали. А потом разошлись, унося в свою кровать грустные мысли. И все же это уже было вместе, хотя пока что поврозь.

– Ну надо же! – думал ошарашенный прошедшими событиями и новостями Виктор. Ему вдруг стало стыдно за свою зависть, за свои грешные мысли. Человеку оставалось жить год, а я....

– Поехал в дом отдыха и там приступ и все! – вспоминал он слова Вали.

– Нельзя было ему пить, даже немножко! А я ему подыгрывал, сколько раз мы с ним по рюмочке под футбольный матч, и в лесу, собрав грибочков. Дураки, все думаем шутки. Как дети Валечку обманывали! Вот и доигрались! Колян, Колян. Как же теперь жить в этом доме, зная, что тебя уже никогда здесь не будет? Жалко, ох как мне тебя жалко Колян. Прости меня, если сможешь. Там! – поднял Виктор кверху глаза. А Валишке я помогу, ты не беспокойся.

Виктор представил всю эту гадость с моргами, гробами и венками. Ох как страшно было испытать все это на себе, а Колян теперь прошел через все это. Хотя конечно он уже ничего не понимал, – успокаивал себя Виктор. Но ему казалось, что он чувствует весь этот страх, весь этот ужас, живший в теле друга в те страшные дни, за него. Он представил себя в гробу и передернулся.

– Да нет, я то еще жив! – подумал радостно и даже эгоистично. А когда умру, то уже ничего не увижу! – успокоил он сам себя.

Виктор прошелся на кухню, достав бутылку пива и стакан. Он прошел назад в комнату, слегка задев плечом комод, от чего рамка зеркала, висящего над ним, покачнулась. Виктор глянул мельком в зеркало и вдруг подумал, – но получается, я тогда видел все, как случилось потом! Откуда, кто и как смог узнать и показать мне будущее? Загадка. Если бы я записал все это хотя бы в дневник, то сейчас можно было бы все это сопоставить, и это было бы доказательством чуда. Постой! Я же написал тогда стихотворение.

Ты в жизнь мою вошла с букетом желтых листьев...

Оно, правда, не совсем точно соответствовало действительности, да и кто всему этому поверит, и кому вообще-то все это нужно? Только мне самому!

– Ну и что. Если все это произошло со мной, мой интерес не последний и не бесполезный. Я могу разобраться во всех этих явлениях на самом себе. Это не так уж мало, – решил он.

Но навязчивая мысль о виденном на Рождество влекла Виктора снова посмотреть в зеркало. Он подошел и внимательно взгляделся в него. Никаких признаков чуда и волшебных коридоров он не увидел, как ни тужился. И после этого, все стало казаться ему его же фантазией и подтасовкой карт. Потому что он уже забыл, что видел тогда, и что видел сейчас, вернее разницу и сходство.

– Было две ситуации, из которых я составил одну, – решил он. Сон и явь.

Он посмотрел на себя еще раз и ушел в комнату, отметив, что где-то в мыслях мелькнуло что-то неправильное, а что он не мог понять. И где, тоже. Осталось состояние, похожее на то, когда ты быстрым шагом идешь по вечерней улице и принимаешь пробку за монетку, хотя где-то в участке оценки увиденного, мозг посылал импульсы что это пробка, а глаза говорили, что это монетка. И ты идешь и думаешь, – вот дурак, почему не взял монетку? Но эта мелкая проблема, быстро перестает мучить голову, и забывается. Потому что на смену ей приходит куча других, порой более важных, например, а выключил ли ты чайник, перед уходом на работу, или, отремонтировать телефон или лучше купить новый? Эта проблема была настолько мелкой, что она быстро забывалась, до следующей. И это немножко непонятное чувство несоответствия быстро таяло.

В этот раз это чувство несоответствия растаяло не слишком быстро. Оно мешалось в мозгу, и зудило. Виктор, стараясь избавиться от него, перебирал все мелочи, которые могли дать такой дискомфорт. Он проходился действие за действием, он вспоминал кадры за кадром. Но ничего не нашел.

– Итак, что мы имеем? – обратился он следующим вечером к своему отражению. В зеркале отражалось будущее? Получается, что я каким-то образом поймал время, обогнав его? Ну что скажешь друг? – кивнул он заговорщически отражению.

– Ничего сложного. И ничего необычного для человека владеющего некоторыми истинами и небольшой практикой, – сказал второй Виктор, глядя прямо в глаза первому.

Ты же сам когда-то вывел теорию бесконечности. Так вот в этой бесконечности существует все, и все повторяется, и все опережает, и все запаздывает. Любая ситуация имеет свое противоположное лицо. Клубок сюжетов и действий. Лиц и судеб. Ты устроил себе очень эффектный ход. Не думай, ты естественно не первый кто до этого додумался, но ты первый, кто понял природу этого явления. Бесконечность поистине скрывает бесконечное множество идей и их открытий, при этом и твое открытие несет тебе бесконечное множество удивлений и восхищения. Ты и представить себе не можешь, на сколько это все серьезно, страшно и интересно. Юморно, поучительно и интригующе. Знал бы я еще больше определений, они все запихнулись бы, в то, что ты открыл, только на половину поняв. Да где там, на половину, на мельчайшую дозу, адекватную месту в бесконечности бесконечно малого и бесконечно большого.

Ну что понял или мозги в раскаряку встали? – ухмыльнулся голос в зазеркалье, и Виктор увидел себя с этой усмешкой и одуревшим взглядом вместе. Ему стало смешно. Он попробовал повторить это выражение лица, но второй раз оно не получилось.

– Выпей коньячку, сказал внутренний голос.

– Не стоит, начинать! – подумал Виктор. Опять начнутся эти сдвиги по фазе и женщины начнут выпрыгивать из зеркала. А мне, скоро назад, в командировку. Не солидно и не осмотнительно.

– А ты не живьем, а в кофе. Это ведь не запрещено, и к тому же, сейчас ты в Москве, в отпуске, и завтра выходной. Расслабься, – посоветовал ему внутренний голос. Тебе это сейчас нужно. А то свихнешься от этой монотонности.

Виктор сварил кофе и плеснул туда несколько булек коньяка. Он сел в кресло и предложил кофе двойнику.

– Спасибо сказали они друг другу.

– Так ты говоришь дело в бесконечности. Ну и что дальше, просвети, – спросил он вглядываясь в зеркало.

– Ну, если ты не можешь догадаться сам, слушай, – высокомерно и интеллигентно сказало отражение.

Ты устроил себе коридор из отражений в зеркале. Сколько ты видел дверей, то бишь отражений. Пять, десять? Но на самом деле они могли отражаться как можно множество раз. Естественно с каждым отражением сила отражения имела меньшую энергию, размер воспринимаемый человеческим глазом стремился к нулю, но количество реальных отражений не было ограничено ничем для них самих. Естественно в этой бесконечности жили своей жизнью все варианты отражения твоей жизни, в одном из которых была и Валечка, и твоя поездка в Африку, и твое возвращение и этот букет осени, – особенно романтично с придыханием сказал второй Виктор и на секунду закрыл глаза, как бы представляя еще раз эту картину.

Валечка, хороша, – продолжало отражение, – хотя по мне их должно существовать множество, женщин, которые могут понравиться тебе, даже в черте твоего города, главное поймать вероятность встречи, поймать наилучший момент для симпатии, выглядеть нужно, как положено и самому увидеть, то, что рядом. Есть стечение обстоятельств – заметил, понравился, познакомился и она твоя. Нет момента, прошел мимо, даже сидя в одном ряду в вагоне метро, плечом к плечу, можешь прозевать свою судьбу, если не выдастся такой момент. Пропиши попросту. Я сколько раз, не замечал знакомых. Бывало, идешь на работу, а тебе кричат: «Виктор, привет!», а ты бы и прошел мимо, только потому, что свои ботинки в этот момент видишь. Шире нужно смотреть на мир, а то все пропустишь! – глубокомысленно закончил отражение.

Виктор слегка удивленно посмотрел на него. Странно было слышать, как оно называло себя Виктором и присваивало себе его рабочую деятельность.

– На работу говоришь? Хотя, конечно! Ты же делаешь все как я.

– Не совсем, – возразило отражение. Это у того у первого отражения с тобой почти не было разницы. А теперь...

Виктор не понял этого замечания, и не стал больше рассуждать о первенстве своих отражений.

– Так значит, я поймал момент своей жизни, который и принадлежит именно этой моей жизни? – спросил Виктор, стараясь уложить только что услышанные выводы в голове.

– Да, но вместе с этой линией, произошло и все остальное.

– Что, например?

– Ну, как, что? Смерть Коляна, ведь в тот момент она уже шла грустная? Значит, Коляна уже не было!

– Но почему к этому должна быть привязана его смерть? Моя жизнь – моя жизнь! Моя поездка! Моя встреча!

– Эх, дорогой, в жизни все завязано и связано. И каждый шаг рождает череду действий и приводит к определенным результатам, даже казалось бы, у посторонних лиц, а ты, не посторонний, ты напрямую участвовал во всех этих шагах и цепи событий.

А что могло изменить эту ситуацию, в каком случае Колян остался бы живым?

Деточка! Это компьютер нужен, чтобы сделать обработку всем твоим и другим поступкам! Чтобы рассчитать причину и порожденные, ею следствия! – сказала отражение, высокомерно – поучительно.

Виктор отметил, что отражение стало намного осведомленнее его, но отражение перебило его мелькнувшую мысль.

– Вот представь, что тебе бы не дали квартиру в этом месте, а жил с ними, какой-нибудь доктор, который в нужную минуту сделал ему необходимую помощь, вот и остался бы он жить.

Например, если бы ты не уехал в Африку, а пришел к ним в гости в этот день, может быть, и не согласился бы он ехать в пансионат. А тогда...

Так что как в сказке «Репка». Репка за дедку, внучка за бабу... Да мало ли чего еще могло бы быть... Все связано, все! И шаг, и естественно, слово! – закончил свой поучительный монолог отражение.

– Все! Утомил! – сказал Виктор, пойду спать.

– Посмотри сначала на звезды. Уедешь такого неба больше не увидишь. А запах осени, а этот ветерок, – сказал мечтательно внутренний Я, обрадовавшийся концу этих философских споров. И передвинь зеркало поближе к окну, и отодвинь, пожалуйста, занавеску, чтобы в нем отражалась природа, – попросил второй Виктор.

– Пойду покурю на балкончике перед сном, – решил Виктор, и отодвинул занавеску.

* * *

Прошло несколько самых тягостных дней, и Виктор потихоньку входил в сложившийся ход событий. По вечерам они по-прежнему сидели вдвоем с Валею на кухне и вспоминали старые дни. Эта новая обстановка, когда их было только двое, и больше никого, кто бы мог мешать их чувствам, была необычна. Они были не только одни в квартире, но одни в области запретов. Теперь не было ничего, и никого, кто бы мог противиться их близости. Виктор смотрел на руки Вали, подливающие ему чай. Он уже гладил ее кожу, поднимая белокурые кудряшки, он шел вверх к шее, и целовал ее, обнимая уже всю, он чувствовал запах ее волос с оттенком духов «мираж», ощущал ее полную грудь и уже не мог не расстегнуть халатик на ней, чтобы продолжить свои поцелуи там. Он гладил ее, и скользил руками по талии, по бедрам, опускаясь ниже к ножкам. Он уже гладил ее колени...

– Виктор, если бы ты знал как это все тяжело. Мне все кажется, что он сейчас придет с работы, что пойдет в ванну, и скажет: «Валюшка, я голодный как волк, ставь все, что есть!», – сказала, вздохнув Валя.

– Эти слова вывели Виктора из уже достигших непростительной вольности, мечтаний. Он даже прослушал часть фразы, которую произнесла Валя, сразу ставившую его на место действительности, а в ней Валя еще не могла забыть своего Николая, и думать о том, что приходило в голову ему, она не собиралась. Она была далека от этого.

Виктор и сам еще не мог до конца представить, что нет его друга. Когда он заходил в свою квартиру, ему так и казалось, что сейчас откроется дверь, и Колян войдет в своем домашнем костюме и не закрывая дверь, скажет: «Ну, давай быстрее, Валюшка уже все поставила. Давай, давай...».

Но никто не входил, и Виктору пришлось, как-то по-другому жить здесь. Не хватало ауры, которая окружала его волнами, исходящими от присутствия в этом общем для них пространстве друзей. Она была не видимая, но очень даже ощущаемая, и он заходил в квартиру Николая, как– то тяжелее, как– то без попутного, теплого ветерка. Он ощущал все это, но не мог точно сформулировать. Одно он мог понять, что это была потеря его былой жизни, и начиналась другая.

– Валечка, – сказал он, Все пройдет, все станет спокойней, ты привыкнешь. А я всегда рядом с тобой, если тебе будет нужно, то рассчитывай на меня. Ты же знаешь, я один и ты мне всегда очень нравилась. Я даже завидовал Кольке...

Валя смотрела на него сквозь слезы. Он взял ее руку, прижал к своей щеке.

– Валечка, ты мне очень нравишься. Мы будем с тобой вместе, если захочешь... Виктор хотел обнять Валю, и уже погладил ее спину, немного фамильярно...

– Еще очень рано думать об этом, – медленно сказала Валя. И знаешь Виктор, давай об этом больше не будем говорить. Колю мне никто не заменит. Пора спать, – сказала она, отстраняя его руку и вставая со стула. Завтра на работу. Голос ее стал жестким и потерял ту дружескую нотку, которая была до того.

– Стыдно! – подумал Виктор, вернувшись в свою квартиру. Меня поставили на место! И правильно!

Больше находиться здесь, в этой квартире он не мог. А до конца отпуска было еще три недели.

– Махну–ка я в Сочи! – подумал он, еще вчера решивший оставаться в Москве с Валей. Хорошо, что Александр Николаевич позвонил обо мне своей сестре, а я еще не отказался. Отвлекусь,купаюсь. Столько лет мечтал о Сочи, теперь нет проблем.

И на следующий день утром он купил билет, и в этот же день сел в поезд.

* * *

Уже собирая вещи, Виктор, вдруг почувствовал облегчение.

– Наверное, я уже привык жить сам по себе, без давления жены, без особых обязательств и стрессов? – подумал он. Может быть это к лучшему, что она меня поставила на место? Свобода это прекрасно, а я, ее уже готов был потерять! Все правильно, я слишком поторопился. Хорошо, что я это получил сейчас. Смог бы я всю жизнь жить с женщиной, которая не может забыть другого мужчину? Всю жизнь быть после него, ничего хорошего в этом нет. А на нет и проблем нет. Симпатии, дружеская поддержка, не больше.

Свобода! Вот к чему он стремился всегда, и чего потерять уже не захочет, – так уговаривал себя Виктор, обиженный словами Вали, и понимал, что это у него не очень то получается. Ничего сейчас приеду в санаторий, а там с кем-нибудь познакомлюсь. Клинь, клином, – подумал он.

До этих пор, после того, как он получил квартиру, Виктор не был монахом. И в его квартире побывали представительницы слабого пола. Но уж так получалось, что Виктор прекращал отношения с женщинами, бывало и очень быстро. Сразу на второй день после близкого знакомства. Но при этом была возможность не звонить, или ссылаться на занятость, в конце концов, можно было наврать про другие сложности, и знакомство само собой уходило в небытие. Теперь это был другой вариант. Виктор представил, что было бы, если бы он не получил отказ.

– А вдруг потом, позже, вдруг возникло охлаждение? Жить в одном пространстве, и встречаться по утрам и вечерам, и видеть нового партнера, это не приведи Господи! – подумал он, уже ревнуя к несуществующему мужчине.

Да что я? – прервал Виктор сам себя. Валя сказала правильно, и нечего обижаться. Рано! И этим сказано все! Она мне нравится. Живем квартира в квартире. Она все равно будет со мной рядом. Она отойдет от своих мыслей. Она привыкнет. А пока, пусть все идет, как идет.

Глава десятая

Виктор лежал на нижней полке поезда с закрытыми глазами, и наслаждался стуком колес и покачиванием вагона. Ему не хотелось смотреть в окно, выходить на остановках поезда, он хотел заснуть, потому что надеялся, что сон закроет вход этой неприятной теме, этому неприятному воспоминанию, неловкого шага, который он совершил. После жизни в Дакаре, где все было так легко, приятно и лишено каких либо душевных надрывов, этот последний разговор с Вале́й, выводил его из того равновесия, которое он приобрел, живя там.

Он ехал в поезде, и эти навязчивые мысли лезли и лезли ему в голову. Они были ему неприятны, и он старался отделаться от них.

– А ты что думал? – прошептал ему внутренний голос. Думал все так с разбегу получится.

– Опять вернулся?! – удивился Виктор, на начало этого диалога.

– Ты же вспоминаешь обо мне, когда тебе трудно, сомнительно. Совета хочешь, поддержки? Когда хорошо, зачем я тебе? В радости многое забывается, – упрекнул его внутренний Я

– Ну, так что? Что меня гложет? – спросил Виктор свой внутренний голос.

А гложет тебя то, что эгоистом ты стал. Привык к покою, не хочешь брать на себя обязательства. Хочешь брать и ничего не давать.

– А что я взял? – спросил удивленно Виктор. Я ей потом дам больше. Никто никому не должен.

– Ты же мужчина! Разве можно рассматривать отношения между вами как сделку. Ты мне я тебе? – возмутился голос. Ты подарил женщине надежду. Сколько ты ей обещал в свой приезд. Забыл. Ты же говорил, положишься на меня, я все для тебя сделаю. А сам! Едешь в пансионат один. А Валечка? Разве она не обиделась на тебя за это?

– Нет, она меня сама не приняла. Она еще не может забыть Коляна! – и у Виктора вновь шевельнулось чувство зависти к другу.

– Но он же умер, как ты можешь! – возмутился внутренний голос. Женщин нужно добиваться! А ты сразу за коленки, под халатик. А нужно быть терпеливым и добрым. Если бы она увидела, что ты и правда готов для нее на все, то может быть, и не так холодно отстранила тебя, и может быть, потом это сыграло бы в твою пользу. А так, как ты, так вряд – ли!

– Да, нет. Колян, наверное, тоже на меня бы обиделся. Он там, а я к его жене! Все, больше первый я ничего не скажу. И вообще жизнь одна, и ждать годами, когда тебя оценят уже некогда. На свете много и других женщин, – подумал он. Нужно только посмотреть повнимательнее, как мне советовали недавно. Не под ноги смотреть, а вокруг, может, и не презеваю свою половинку.

* * *

Виктор и не знал, что пользуется таким успехом. В санатории было много женщин и мало мужчин. И он был нарасхват. И на танцах, и на прогулках. Даже за столиком в ресторане рядом с ним сидели три симпатичные девушки, так что в ответ на его обиду, жизнь вознаградила его вниманием с лихвой.

Здесь все были новоиспеченными знакомыми, и старались выглядеть только с хорошей стороны. И возможно, это устраивало всех и его, и окружающих. Это поверхностное знаком-

ство на море, где все со стороны казались прекрасными людьми, где все на месяц забыли о своих проблемах и как дети жили сегодняшними радостями, было прекрасным состоянием.

Виктор упивался и своей значимостью, и пальмами с морем и этими южными вечерами. Он отключился от вчерашнего. Он пел как соловей для всех женщин, не выбрав ни одной для себя. Он слагал стихи. Его как будто прорвало. И темы брались, как будто из мешка с идеями. Он писал про море и про скамейку, на которой он когда-то сидел со своей девушкой. О собаке, которой нужно помочь и о старости, в которой собираются воспоминания и только. Все дамы были награждены его стихами с автографом. В санатории случались и дни рождения, и Виктор торжественно читал оды для новорожденных, и конечно был обласкан именинницей и гостями. Ведь в этом замкнутом кругу, любой маленький всплеск таланта, будь-то умение танцевать, умение петь или слагать стихи, находил бурю восторгов в ответ на его проявление.

Его новая тетрадь, с которой он не расставался даже в Африке, пополнилась еще не одной новой страничкой, а от многочисленного листания, ее страницы приобретали соблазнительно букинистический вид, и становилась все пухлее и пушистее. Старую, начатую еще в юности, он почему-то не нашел, уезжая в командировку. И в новую, записал по памяти, все, что успел сочинить раньше. Прodelывая это, Виктор к своему удивлению отметил, что старые стихи теперь казались ему гораздо скучнее и не значительнее, чем он воспринимал их раньше.

– Проба пера, – подумал он. А теперь, я созрел. Теперь у меня выходят шедевры.

Момент, когда Виктор записывал в свою тетрадь новый стих, обработанный и законченный, становился для Виктора маленьким праздником. Он садился за стол, клал перед собой листочек черновика и старательно переписывал стихотворение в новое законное место, с номером страницы, проставленной его рукой, и с оглавлением сзади, в которое под номером вписывалось название произведения. Это стихотворение имело номер 361 и называлось «Руки женщины». Оно было написано под впечатлением медсестры Татьяны Сергеевны, которая делала ему перевязку головы, после неудачного ныряния. Увидев ее красивые черные глаза и пухлый ротик, Виктор подумал, что ради этого, можно было и побыть больным. Немного. Татьяна Сергеевна, обматывала ему голову бинтом, и ее грудь почти касалась его лица. И когда Татьяна Сергеевна удалялась от него в поисках то мази, то ножниц, Виктор чувствовал это, как ужасную потерю.

– Совсем распустился. Уже и под пыткой йода все о том же! – возмущался его внутренний голос. Хотя конечно, кто удержится от близости таких форм. Я тоже начинаю мечтать о большем. Прямо так и хочется, чтобы ты ее обня-я-ял и отблагодарил. Боже, какие ручки, аж, все в душе переворачивается. Я сейчас просто закружусь в вальсе! – верещал внутренний голос.

– Татьяна Сергеевна у вас такие ручки, – сказал Виктор, что я готов разбивать каждый день что-нибудь.

– Оставайтесь лучше здоровым, а то после второго такого удара, у вас в голове и дырка может появиться. Вам повезло. Бывает и перелом шеи, а то и еще хуже. За десять лет я всего здесь насмотрелась. А вам еще жить и женщин любить нужно, – усмехнулась Татьяна Сергеевна, обрезая бинт и делая маленький бантик.

Придете завтра на перевязку. Купаться больше не советую. Будет тошнить, или головокружение, вызывайте врача. Но думаю ничего страшного, кроме ссадины нет.

Татьяна Сергеевна ловко убрала медикаменты, и сунув руки в карман своего белого халатика, пошла посмотреть, нет ли еще страждущего и ждущего медицинской помощи.

А Виктор с сожалением вышел из кабинета, и стараясь поймать взгляд Татьяны Сергеевны, повернулся к ней около двери. Он встретился с ней глазами, и взгляд прожег в его теле, где-то в районе живота, дырку.

– Полежите часа два, никакой нагрузки и алкоголя. Зайду проверю, – засмеялась она в след ему.

*Я смотрю на тебя, замираю,
Вдруг исчезнешь куда-то как сон,
От рук нежных твоих погибаю
Как мальчишка впервые влюблен...*

Эти строчки он написал на бумаге, как только пришел в свою комнату. Он взял блокнотик, и, выйдя на балкон, сел за столик и дописал все стихотворение.

– Нет, я не виноват, – подумал он. Чтобы писать стихи, нужны восторги, а восторги складываются из открытий новых чувств, новых красок природы, новых впечатлений от жизни. Нужно удивляться и открывать. Нужно чувствовать, и тогда стихи приходят сами, потому что вдруг начинаешь видеть все малейшие нюансы, присущие новому чувству, слышишь новые нотки в шуме листвы и прибоя и вдруг ощущаешь еще множество того, что не видел минуту назад, пока новое и удивительное не стронуло твою душу с тормоза обычности. Татьяна Сергеевна, вы живете в моем сердце какой-то музыкой, какой то неосязаемой массой чувств, которым нет названия.

Виктор готов был целовать ее руки, гладить ее волосы и кружить, кружить ее на руках, конечно как прелюдию к другим действиям.

– Да, по-моему, ты таким бабником раньше не был, – сказал ему внутренний голос, когда Виктор закрыл тетрадку и прилег на кровать, лицом к балкону, подложив под голову руки.

Теплый ветер порхал изредка по комнате, солнце веселыми пятнами ложилось на зеленые листья какого то растения, стоящего на журнальном столике, ветки цветущего куста виднелись за окошком и на душе у Виктора было легко и хорошо. Его маленькое ранение ввело его в чувство лени и необходимости отложить активный отдых, не осуждая себя за бездействие. Он ловил доносившийся запах моря, и на душе было также солнечно и приятно.

– Сам не пойму, – ответил он. Моя меня за мужика – то не считала. Она ни разу не захотела близости сама, так ради порядка. Жена все-таки. Я уж не говорю о страсти. Это не про нее, я думаю.

– Не хочу, не могу, все болит, устала. Да ну тебя! – Виктор вспомнил все эти свои унижения, когда его раздирало естественное чувство желания близости, и он должен был просить, выпрашивать. Что ему было-то двадцать два, когда он женился на ней. Любил он ее или нет? Молодость не всегда разборчива, совершил ошибку, поспешил? А дальше дети, понятие о порядочности. Вот и тянул эту лямку столько лет. Но разве это был секс? И уж конечно не любовь.

Она была хорошей хозяйкой, исправно готовила обеды, следила за чистотой и любила детей. Она радушно принимала гостей, но только к нему она была равнодушна. И ничего кроме денег, ей от него не было нужно. А он мучился. Запихивая свои желания и чувства в мешок с долгом. И никаких других женщин. И так шестнадцать лет! Зачерствеешь, – Виктору даже стало жаль бесцельно прожитые годы.

И вдруг Валя! Он и сам удивился на свои желания, и мечты о ней. Да это было прекрасно. И Виктор думал, что никакая другая женщина не сможет возбудить его так, как возбуждали его мечты о Вале. Как долго он мечтал о ней, и не хотел смотреть ни на какую другую. И вот вроде все получилось так, что у него появился шанс. Но что снова?

– Об этом говорить больше не будем! Колю мне никто не заменит... – вспомнил он слова Вали, обжигающие отказом.

– Ну что мне всю жизнь жить с завтраками? – подумал Виктор. Так и состариться можно, и пройдет мимо тебя все, что другим достается в избытке.

И вдруг новое явление. Он даже удивился, как быстро он клюнул. Он уже не вспоминал Валу. В его голове звучали нотки духов исходящих от тела Татьяны Сергеевны, его волновали ее яркие губы, ее черные глаза, и он уже представлял ее тело, и жаждал его. Виктор удивился, как быстро перестроились его мысли, и какое красноречие и смелость появились в нем.

* * *

– Татьяна Сергеевна, почему же вы вчера не навестили больного, – спросил он, заходя в ее кабинет на перевязку. Я так страдал!

– Но вы живы и на ногах, – улыбнулась Татьяна Сергеевна, – проходите, сейчас я вас перевяжу.

Она снова подошла близко к нему, и разрезав ножницами кончик бинта стала разматывать его с головы. Боже, хоть бы этот бинт был длиннее, думал Виктор и даже искусственно настраивал в своем мозгу картины интимной близости. Грудь Татьяны Сергеевны, время от времени, касалась лица Виктора. Но она была наполовину закрыта белым халатиком, хотя эта соблазнительная складочка и эта загорелая округлость ее в вырезе кофточки предполагали маленькое движение, которое очень быстро освободило бы ее. Виктор уткнулся лицом в грудь Татьяны Сергеевны, он прижал ее к себе, и она, покачнувшись, села к нему на колени. Его рука продвинулась в разрез кофточки, и грудь оказалась у него в руке. Это было совсем другое ощущение, чем когда-либо он испытывал. Эти ощущения возбудили в Викторе негасимое желание соблазнить медсестру, он захотел увидеть, как она растает от его прикосновения, и он сделал это, забыв о том, что может и получить обратную реакцию.

Татьяна Сергеевна, вдруг покраснела, и на секунду помедлила с наказанием. Казалось, что она на секунду получила прилив ответного чувства, и справиться с ним ей было очень трудно.

– Не здесь, – сказала она, встав с колен, и заправив грудь под халатик.

– Простите, потерял контроль. Вы такая соблазнительная, у меня в голове все крутится, – пролепетал Виктор.

– У меня тоже, – усмехнулась Татьяна Сергеевна. Но вы забыли, что сюда могут войти. И голова у вас еще кровоточит. Встретимся вечером, – шепнула она ему, услышав стук шагов рядом с дверью. Она поправила халатик и мастерски замотала голову Виктора. В семь вечера, – снова шепнула она ему. Надеюсь, шампанское будет на столе, я его люблю.

Виктор ушел окрыленный. Он забежал в палатку и купил шампанского, сыра и консервированных ананасов.

Ему даже было немного страшно. Ведь до этого столько попыток такого плана и такой покорности и отдачи от женщин у него не было. Он снова испугался, что не сможет оправдать свой имидж ненасытного и горящего страстью мужчины. Потому что немного выдохся и немного остыл к вечеру. Он ждал Татьяну Сергеевну, надеясь, что дальше все пойдет само собой.

– Не слишком ли ты разгулялся? – спросил его внутренний голос. Тебя ждет Валя!

– Валя далеко, а я имею право на все, что мне хочется. Никаких обязательств, я свободен. Все должно быть, как я хочу сейчас, хватит, уже посидел на скоромном. Так и засохнуть можно было. Если бы я знал, что могу такое, то давно бы изменил своей, а не выпрашивал бы как дурак. А почему вдруг такое буйство, и такие симпатии женщин? Наверное, это я в Африке набрался солнечной энергии, наверное, это все киви, бананы и манго. Да эти травки, которые он по совету коллеги купил на рынке.

– Вот, вот, – шепнул внутренний голос. И заметь, женщины ценят не красоту, а напор и обожание. Ты правильно делаешь, – сказал внутренний голос. И я тебя не осуждаю. Мне и самому до чертиков хорошо. Риск!

* * *

Татьяна Сергеевна вошла в номер легким ветерком. Увидев накрытый стол, она схватила кусочек ананаса и быстро вытащила из сумочки маленькую бутылочку медицинского спирта.

– О, – сказал Виктор, предвкушая веселый вечер, где не нужно будет мучаться от газированной кислятины, изображая из себя трезвенника.

К маленькой бутылочке приложилось несколько свертков и пакетиков, в которых оказались и запеченный кусочек свининки и две куриные ножки и баночка лечо.

– Восторг, – только смог проговорить Виктор, вдруг почувствовавший неутолимое желание отведать всего этого и сразу.

– С чего начнем? – спросил он Танечку.

– Начнем с шампанского, все-таки это наша первая встреча! Виктор открывайте же бутылку, – Танечка села на кресло закинув ножку на ножку, отчего ее красивая шифоновая юбочка очень плавно переместилась повыше. Она поправила свои черные стриженные волосы и соорудив очень вожаделенную мордочку подняла бокал

– За что пьем?

– Танечка, за вас, – сказал Виктор, пододвигая свое кресло ближе к ее ножкам.

– Красота, – сказала Танечка, выпив шампанское одним махом. Виктор берите буженинку, это я сама делала. Она схватила кусочек сырку и бросила в ротик кусочек ананаса.

Виктор повеселел и налил остатки шампанского, закусывая в это время вторым кусочком буженинки.

– Ха бутылка пустая! – засмеялась Танечка. Под стол ее, под стол. Они выпили последний бокал на брудершафт и поцеловались, после чего Танечка снова покраснела и засмеялась, немного подняв плечики.

Им стало грустно оттого, что шампанское так быстро кончилось.

Танечка, посидите здесь минут десять я сбегаяю за добавками, – сказал Виктор вставая со стула.

– Нет, – надула губки Танечка. У нас же есть спирт, и есть ананасовый сок, подставляйте стакан, сейчас будем пить коктейль.

Танечка, вы прелесть, Виктор, посадил ее себе на колени и поцеловав в щечку, чокнулся бокалом в котором плавали кусочки ананаса. Они выпили коктейль также одним махом, и Танечка, не удержавшись на коленях Виктора, потому что он полез за кусочком курочки, вдруг упала ему в объятия, и он, поймав ее губы, поцеловал их,

Будем танцевать, – сказала она, выбравшись с колен Виктора, и задернув занавески, потянула его на танец. Приемник источал звуки песен Круга, и они, подпевая певцам, виляли бедрами и вытянутыми руками.

– Заходите в мой дом! – пели они вместе с певцами. Им было смешно и хорошо. Было легко и весело. Танечка вы прелесть, какая же вы прелесть, целовал Виктор ее ручки. Они снова подлили себе спирта, предварительно разбавленного соком в свои еще не опустевшие стаканы и чокнувшись в танце, продолжали и пить и петь, и танцевать.

– Нет! – я больше так не могу, подумал Виктор, падая на кровать, вместе с Танечкой. Они даже не сняли с себя одежды, как поняли, что все уже произошло.

– Танюш, ну подожди не уходи, – тянул ее за руку Виктор.

– Нет, нет, с дикцией измененной под воздействием многочисленных коктейлей сказала Танечка. Встретимся завтра, если вы, конечно, этого захотите, подняла она пальчик и поправив юбочку и прическу, вышла из номера. Виктор упал на подушку и очнулся только уже утром.

Голова болела как после тройного удара о дно. Он с трудом пошел в душ, но после него, уже выглядел бодрим. На завтрак! – подумал он. И на море. Нужно освежиться.

А рана? Он вдруг вспомнил про нее.

Бинты валялись рядом с кроватью, а на месте удара, красовалась засохшая болячка.

– Как на собаке, подумал Виктор, усмехаясь на то, что он помнил из вчерашнего вечера, и раздумывая, как ему себя вести теперь с Танечкой. Так и до привода в милицию можно докатиться. Он вспомнил, как хотел прыгнуть с балкона, чтобы сорвать цветок для Танечки, как хотел сбегать еще в магазинчик, смело шагнув, в черноту спящего города. Слава Богу, Татьяна Сергеевна была на высоте и совершенно трезвая. Ну девчонка, – подумал он, плывя к бую. Не плохо бы и повторить. Ой, а стихи то я ей не прочел. Вот и причина! – обрадовался этой мысли Виктор.

– Татьяна Сергеевна, – вошел он в кабинет, – посмотрите мою рану.

Татьяна Сергеевна сидела в кабинете с ярко накрашенными губами, имеющими пухлость выше знакомой Виктору. На шее у нее, не смотря на жару красовался платочек, такой же яркий как она.

Рядом убиралась нянечка, и Виктору пришлось сдерживать свои эмоции, как и Татьяне Сергеевне тоже. Она посмотрела на рану и официальным тоном сказала, – у вас все в порядке. Постарайтесь не травмировать это место и все!

– Татьяна Сергеевна у вас такие нежные ручки, я бы еще сто ран получил, лишь бы вы меня перевязали, – сказал Виктор, думая, что его слова не выходят за рамки обычной лестии.

Татьяна Сергеевна милостиво усмехнулась, незаметно для нянечки проведя рукой по щеке Виктора.

– А я вам даже стихи написал, хотите прочту? Виктор встал в позу и прочел свои стихи. Нянечка захлопала вместе с Татьяной Сергеевной, а Виктор поцеловал в довершение ручки медсестры и уборщицы, чем привел ее в восторг и умиление.

– Да вы поэт? Какие прекрасные стихи. А можно еще послушать? – попросила нянечка, облокотившись на щетку.

– Пожалуйста, – сказал, вдохновлено Виктор и стал усиленно вспоминать, чтобы такое ему прочесть.

Он прочитал два своих стихотворения, но в это время пришел другой посетитель.

– Я вам мешаюсь, – сказал Виктор с сожалением...

– А вы к нам в клуб вечером приходите. У нас много здесь персонала, все придут послушать.

– Да, – обрадовался Виктор. Я приду. Я еще и на гитаре играю, у кого ни будь есть гитара?

– Я принесу, – сказала Татьяна Сергеевна.

Виктор убежал окрыленный. Он плескался в море, лежал до упора под горячими лучами солнца, а в ресторане за обедом, к нему подошла официантка, и тихо, чтобы никто не слышал, сказала, – это специально для вас, попробуйте, очень вкусно, и многозначительно посмотрела на него, вильнув попкой на прощание.

Виктор взлетел, а после того, как сначала он получил обожание персонала за свои стихи и песни, а потом был вечер в доме главврача, оказавшейся тетей Татьяны Сергеевны, и он там тоже имел успех, к радости Танечки, он просто воспарил.

Танечка, ты настоящий друг, лепетал он взхлеб, после того как его отпуск превратился в феерию с бешеным успехом и маленькой книжечкой местного издательства, в кото-

рой наряду с произведениями местных самородков, красовались и два его стихотворения, посвященные городу Сочи и военной тематике.

– Моя первая книжечка, – вертел Виктор в руках сверкающий томик альманаха–«Полет». Вот они мои, дорогие. Он махал рукой девчонкам вышедшим проводить его на автобус и многозначительно посмотрел в глаза Татьяны Сергеевны, и послал воздушный поцелуй официантке Маше, которая потчевала его лишним вкусным кусочком, и получила за это стихи о простой девчонке, которая, наконец, дождется и любви и счастья.

Он был популярен.

– Два вечера в его честь с его стихами, с его песнями под гитару! – усмехнулся Виктор.

Как это получилось? Раньше брэнчал себе под нос в своей квартирке, а оказывается, это интересно и другим. И как распелся, какое вдохновение. Танечка! Она просто прелесть..., и так помогла, пристроив в альманах его стихи!

Виктор на секунду улетел в тот бешеный вечер и в то сумасшествие веселого морского романа, он пронесся перед его глазами как веселая карусель, которая кружится под звуки разудалой музыки и не хочет остановиться.

– Ну и вулкан, или нет, стрекоза! У стрекозочка, моя сумасшедшая! – подумал Виктор, вспомнив яркие губы и стройные ножки Тани, и даже немного подпрыгнул на своей полке поезда, увозившего его в Москву, подражая ее порханию.

Глава одиннадцатая

Но обратная дорога, предполагала монотонный путь длиной в полтора дня, лежку на своей полке, потягивание чайку в промежутках между сном, журналом и остановками в городах. И глядя в окно, под шум стука колес, Виктор задремал, совершая постепенный переход от яркого лета в Сочи к октябрьским дням в Москве. Мечты и воспоминания, они плавали в его голове, нежно отталкивая друг друга, чтобы он обратил внимание именно на них, и потом плавно переросли в сон. Но сон был не такой приятный в отличие от воспоминаний. Он был очень противный и длинный, хотя прерывался на секунду тряской поезда на особо крутых поворотах, но странно, что возвращался снова. Виктор был бы рад прекратить это тянущее ощущение сна, но он так цепко вошел в его мозг, что у Виктора не получалось проснуться и избавиться от него. Сон продолжался и продолжался. Настойчиво и назойливо. Он не кончался, и давил и давил своей тоской, непонятностью и безысходностью.

Ему снился город, с каким-то непонятным временем суток, со знакомым и не знакомым расположением домов. Улица как будто потеряла свои пропорции, а тусклый свет мешал сосредоточиться, и вводил в беспокойство, чувство одиночества и безысходности. Он был один в этом городе, без прохожих, без автомобилей и автобусов, и даже без собак. Он знал, что где-то здесь его дом, в который он может придти и лечь спать, переживая эту ужасную непонятную темноту. Но он никак не мог вспомнить, где это. Он мучился.

Вдруг он очутился около дома, где жила его мать. Мать. Он позвонил. Никто не открыл ему. По ступенькам лестницы спускался какой-то человек.

– Да она уж полгода в больнице. Паралич, – сказал он тихо, и сердце Виктора сжалось. Как так получилось, что полгода он не знал где его мать, что с ней? Как он мог допустить, что она парализованная и беспомощная лежит уже полгода в больнице, и может быть плачет, что никто не приходит к ней и не вызволяет ее из этого ужасного здания.

Он побежал по предполагаемой тропинке, искать больницу, но стеклянные двери были закрыты и жестокие и холодные люди не пускали его к матери. Сердце его раздиралось, он клял, он ругал себя, он чувствовал, что все потеряно, как будто он уже никогда не увидит свою маму. Он бился в стеклянные двери, он рыдал в душе от жалости к матери и себе, и досады от своей беспечности. А за стеклянными дверями бегали медсестры, ходили больные и подходя к его матери они сидели у ее кровати. Но ему туда хода не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.